

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
(код и наименование направления подготовки)

Уголовное право и процесс
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Прокурор и его полномочия в уголовном судопроизводстве»

Студент

Г.А. Обезьянова

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. экон. наук, С.Б. Сыропятова

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2021

Росдистант
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДИСТАНЦИОННО

Оглавление

Введение	3
Глава 1 Общая характеристика процессуального положения прокурора в уголовном судопроизводстве	7
1.1 Понятие судопроизводства и его участники на различных стадиях	7
1.2 Место и роль прокурора в уголовном процессе	13
1.3 Правовое регулирование участия прокурора в уголовном процессе	18
Глава 2 Участие прокурора в стадии предварительного расследования	29
2.1 Надзорные полномочия прокурора в стадии предварительного расследования.....	29
2.2 Полномочия прокурора на осуществление уголовного преследования в стадии досудебного производства.....	36
Глава 3 Участие прокурора в судебных стадиях уголовного процесса	47
3.1 Содержание деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования в судебном производстве	47
3.2 Отказ прокурора от обвинения.....	55
3.3 Участие прокурора в суде второй инстанции	61
Заключение.....	66
Список используемой литературы и используемых источников	71

Введение

Актуальность избранной темы исследования участия прокурора в уголовном судопроизводстве обусловлена множеством проблем и дискуссионных вопросов, которые наблюдаются в данном вопросе.

Так, в последние десятилетия модель участия прокурора в уголовном судопроизводстве была кардинально изменена, что вызвало жаркие споры и дискуссии среди специалистов. В связи с проведённой реформой прокурор в большей степени был отстранён от реальных «рычагов», которые позволяли последнему руководить деятельностью следователя на этапе досудебного расследования, при этом, было сохранено существенное влияние на проведение дознания как форму досудебного следствия. В целом, имеет место попытка перехода смешанной формы уголовного производства к состязательной. Лишение прокурора полномочий по контролю за досудебным следствием позволяет сделать вывод о том, что государственное обвинение на досудебной стадии уголовного судопроизводства поддерживает следователь, а не прокурор, что является вопросом весьма дискуссионным, поскольку осуществление уголовного преследования является конституционной функцией последнего [48].

Также в среде учёных, которые являются противниками уменьшения роли прокурора в уголовном судопроизводстве существует мнение о том, что это повлекло ухудшение качества расследования уголовных дел в целом. При этом, в условиях ограниченности прокурора в полномочиях, у последнего отсутствует возможность предпринимать своевременные и действенные меры по реагированию на процесс. Также идёт речь о том, что такая реформа привела к значительному ухудшению положений, связанных с реализацией конституционного права потерпевших на получение государственной защиты от преступлений (ст. 52 Конституции Российской Федерации) и конституционных принципов правосудия (ст. 50 Конституции Российской Федерации) [39].

Кроме того, традиционно актуальной остаётся проблематика поддержания прокурором государственного обвинения, отказа от него при производстве в суде первой инстанции, что связано с отсутствием у законодателя чёткой концепции в регулировании данного направления, отсутствием чёткого порядка изменения прокурором обвинения.

Эти и многие другие вопросы, связанные со статусом прокурора в уголовном судопроизводстве, с объёмом предоставленных ему полномочий, определяет актуальность выбранной темы для диссертационного исследования, обуславливают необходимость поиска путей и способов дальнейшего совершенствования норм уголовного процессуального закона в этом направлении.

Степень научной разработанности темы участия прокурора в уголовном судопроизводстве является высокой. В частности, за последнее время данной тематике были посвящены исследования П.С. Воробьёв, Г.А. Аветисян, О.В. Воронин, Т.А. Гумеров, И.А. Носонова, Ю.В. Буров, С.И. Голова, А.А. Терёхин, Н.Г. Муратова, А.В. Шуваткин, И.М. Алексеев, И.В. Квас, Т.Ю. Попова, С.П. Щерба, А.Б. Соловьёв, К.А. Трифонова, Т.А. Гумеров, А.В. Шуваткин, З.Ш. Гатаулин, Я.А. Климова, Ю.В. Буров и многие другие.

Авторами рассматривались многие актуальные теоретические и практические вопросы деятельности прокурора на стадии досудебного производства, на этапе утверждения обвинительного заключения, в том числе основания для возвращения уголовного дела следователю, особенности эволюции и трансформации функции прокурора на данном этапе, его полномочий и т.п., высказывались множество предложение по совершенствованию законодательного регулирования деятельности прокурора на досудебных и судебных стадиях в уголовном процессе.

Объектом исследования в настоящей работе выступают общественные отношения, связанные с участием прокурора в уголовном судопроизводстве России.

Предметом исследования относятся нормы права, которые регулируют участие прокурора в уголовном судопроизводстве, определяют его полномочия. К таким нормам относятся, прежде всего, Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (далее – Конституция РФ), Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее – УПК РФ), Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре»), другие федеральные законы, в т.ч. о внесении в УПК РФ и в Закон «О прокуратуре», нормативно-правовые акты ведомственного характера, которые регулируют организационные вопросы участия прокурора на различных стадиях уголовного судопроизводства.

Целью написания диссертации является поиск путей и способов совершенствования законодательства регулирующего участие прокурора в уголовном судопроизводстве.

Для достижения поставленной цели, необходимо выполнить следующие задачи: определить понятие судопроизводства и охарактеризовать состав его участников на различных стадиях; охарактеризовать место и роль прокурора в уголовном процессе; проанализировать правовое регулирование участия прокурора в уголовном процессе; выявить и охарактеризовать надзорные полномочия прокурора в стадии предварительного расследования; рассмотреть вопрос полномочий прокурора на осуществление уголовного преследования в стадии досудебного производства; проанализировать содержание деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования в судебном производстве; охарактеризовать отказ прокурора от обвинения; проанализировать участие прокурора в суде второй инстанции.

Методологическую основу проведённого исследования составила совокупность общенаучных методов познания и специальных методов правовой науки. Так, в качестве общенаучных методов использовался метод диалектики, метод логики, анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, статистический и социологический методы. Формально-юридический метод использовался в целях уяснения содержания правовых

нормы регулирующих общественные отношения относящиеся к объекту исследования. Историко-правовой метод использовался для анализа исторического развития статуса прокурора в уголовном судопроизводстве. Метод сравнительно-правового анализа (компаративистский) был применён для рассмотрения аналогичного вопроса в законодательстве отдельных зарубежных государств.

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных, таких как П.С. Воробьёв, Г.А. Аветисян, О.В. Воронин, Т.А. Гумеров, И.А. Носонова, Ю.В. Буров, С.И. Голова, А.А. Терёхин, Н.Г. Муратова, А.В. Шуваткин, И.М. Алексеев, И.В. Квас, Т.Ю. Попова, С.П. Щерба, А.Б. Соловьёв, К.А. Трифонова, Т.А. Гумеров, А.В. Шуваткин, З.Ш. Гатаулин, Я.А. Климова, Ю.В. Буров и многих других.

Нормативную основу исследования составила Конституция РФ, УПК РФ, ФЗ «О прокуратуре», ФЗ о внесении изменений в УПК РФ, в ФЗ «О прокуратуре», ведомственные нормативные правовые акты, а именно приказы Генерального прокурора РФ от 26 января 2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», от 03 июля 2013 № 262 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при производстве дознания в сокращенной форме» и другие приказы.

Структура исследования подчинена поставленной цели и задачам и состоит из введения, основной части, заключения и списка используемой литературы и используемых источников. В свою очередь, основная часть диссертации состоит из трёх глав, каждая из которых состоит из трёх параграфов.

Глава 1 Общая характеристика процессуального положения прокурора в уголовном судопроизводстве

1.1 Понятие судопроизводства и его участники на различных стадиях

Для всестороннего и полного уяснения места и роли прокурора в уголовном судопроизводстве и его полномочий, необходимо, предварительно, определить понятие (сущность) уголовного судопроизводства и охарактеризовать его участников. Это позволит выявить сущностные особенности прокурора как одного из основных участников такого судопроизводства, определить его место и роль в уголовном процессе. Именно решению данной задачи и будет посвящён настоящий параграф.

Рассматривая вопрос о понимании уголовного судопроизводства, необходимо констатировать отсутствие его нормативного (законодательного, легального) определения и определённые расхождения по данному вопросу в науке.

Отметим, что с точки зрения правовой теории любое процессуальное право представляется в виде определённой формы, порядка реализации и применения норм права материального. В связи с этим, в целом, предназначением уголовно-процессуального права может являться правильное применение нормы уголовного закона (материального) для того, чтобы решить виновно лицо в совершении преступления или нет, и, если ответ утвердительный какое наказание в пределах санкции статьи Особенной части УК к нему необходимо применить (наиболее общее представление).

Учитывая важность вопроса познания сущности уголовного судопроизводства, ему уделяли внимание наиболее выдающиеся представители науки. Так, С.А. Шейфер отмечал, что «... процессуальная форма является одной из основных категорий науки уголовного процесса. Она обуславливается и самой сущностью уголовного судопроизводства, и его

принципами. Своевременное и правильное применение уголовного закона к лицам, совершившим преступление, обеспечивается надлежащим порядком производства по уголовным делам, определяемым уголовно-процессуальным законодательством и облакаемым в процессуальные формы, которые призваны содействовать установлению истины и обеспечивать соблюдение прав и законных интересов всех участников процесса» [74, с. 14]. Также, как отмечает Л.И. Малахова, «процессуальная форма является специфической разновидностью формы государственной деятельности, которая обусловлена назначением уголовного судопроизводства и его принципами» [42, с. 53].

М.С. Строгович в своё время, под процессуальной формой предлагал понимать «совокупность условий, установленных процессуальным законом для совершения органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, а также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности» [69, с. 27].

В результате проведённого анализа вышеуказанных позиций, установлено, что форма, то есть процесс, является разновидностью государственной деятельности (Л.И. Малахова). Данное утверждение представляется спорным, поскольку деятельность стороны потерпевшего и стороны защиты, урегулированная уголовной процессуальной формой не может быть названа государственной. Также уголовно-процессуальная форма определяется как установленный порядок производства по уголовным делам, облечённый в различные процессуальные формы, основными из которых являются порядок расследования и разрешения уголовных дел, порядок реализации гражданами, вовлечёнными в участие в процессе своих прав и обязанностей (потерпевший, подозреваемый, обвиняемый и т.п.). Представляется, что более целесообразным будет понимание уголовного судопроизводства как формы всего процесса в целом, а не совокупности «отдельных» форм. Тем более, этот вывод закономерен исходя из

представления о форме процесса соответствующей определённому исторически сложившемуся типу уголовного процесса. В связи с этим, уголовно-процессуальная форма - это характеристика присущая всем уголовному процессу в целом. Распространение уголовно-процессуальной формы в равной степени как на государство в лице субъектов, уполномоченных осуществлять досудебное расследование, прокурора, суд, так и на граждан, вовлекаемых в такое судопроизводство в силу закона или по собственной инициативе при наличии на то оснований, является правильным.

Далее обратимся к представителям современной уголовно-процессуальной науки, их взглядам относительно понимания уголовного судопроизводства.

Автор научно-практического комментария к УПК И.Л. Петрухин полагает, что «уголовно-процессуальная форма - это установленный регламент расследования преступлений и рассмотрения уголовных дел в судах; это совокупность общих, наиболее существенных условий, которым должна отвечать уголовно-процессуальная деятельность, обеспечивающая достижение целей судопроизводства»[37, с. 54] Н. П. Кузнецов определили уголовно-процессуальную форму, закреплённую «уголовно-процессуальным правом структуру всего уголовного процесса и отдельных его стадий последовательности и порядке совершения процессуальных действий и закрепления их в правовых актах» [34, с. 62]. Существуют и другие подходы к пониманию рассматриваемого явления.

Таким образом, уголовно-процессуальная форма может быть раскрыта через установленную последовательность совершения действий. Признак вполне верный, однако он не характеризует процесс в целом. Ведь, в определённых ситуациях, у участников уголовного судопроизводства есть выбор в совершении или несвершении действий, а значит такое «развитие» уголовного судопроизводства по уголовному делу не может быть представлено в виде «запрограммированной» последовательности действий. В первую очередь, речь о реализации диспозитивных прав участников процесса,

например, права на ознакомление с материалами уголовного дела, право заявлять ходатайства, реализация которого предполагает совершение определённых действий и многие другие. При этом, невозможно опровергнуть то, что стадии уголовного судопроизводства, как обязательные, так и факультативные, представляют собой определённый регламент, заданную последовательность, через которую «проходит» уголовный процесс и, в этом аспекте, последние являются частью уголовно-процессуальной формы. При этом, заслуживает на положительную оценку то обстоятельство, что уголовно-процессуальная форма должна позволять достигнуть целей уголовного судопроизводства, которые, как известно, закреплены законодательно.

В связи с этим, уголовное судопроизводство целесообразно определить, как уголовно-процессуальную форму, представляющую собой совокупность согласованных норм, которые регулируют отношения, возникающие в связи с публичной реакцией государства в лице компетентных органов на совершённое преступление и устанавливающую определенную последовательность, порядок принятия решений и условий их пересмотра.

Далее, считаем необходимым рассмотреть вопрос о субъектах (участниках) уголовно процессуальной деятельности. Согласно наиболее общему представлению, субъекты уголовного судопроизводства являются лица (не персонализированные), которые в силу уголовно-процессуальной формы выполняют отведённые им функции в уголовном судопроизводстве (следователь, дознаватель, руководителя следственного органа, подразделения дознания, органа дознания, орган дознания, прокурор, суд и т.п.) или реализуют там собственный частный интерес (потерпевший, гражданский истец и ответчик, подозреваемый, обвиняемый и т.п.). Таким образом, субъекты уголовного процесса – это такие его участники, уголовно-процессуальные права которых позволяют им влиять на ход и исход уголовного дела [33, с. 25-30].

Наиболее распространённой и общепринятой классификацией субъектов уголовного процесса является следующее. Критерием для

классификации выступает выполняемая субъектом уголовно-процессуальная функция (не равноценно функции уголовного процесса). К таким функциям относятся функция разрешения дела по существу, функция поддержания обвинения (как от имени государства, так и от имени потерпевшего лица) и функция защиты от обвинения. Представляется, что именно использование данного критерия было положено в основу построения глав УПК РФ группирующих участников уголовного судопроизводства на суд, относящихся к стороне обвинения и стороне защиты [3], [4].

При этом, оценивая роль и место прокурора в рамках предложенной классификации, отметим, что последний, безусловно, относится к стороне обвинения, однако, как быть с тем прокурором, который надзирает за законностью предварительного следствия и за законностью принятия решений на стадии возбуждения уголовного дела, ведь последний должен объективно и беспристрастно выполнять функцию надзора за законностью, не вставая ни на сторону обвинения, ни на сторону защиты. То обстоятельство, что норма регулирующая статус прокурора в уголовном судопроизводстве отнесена в раздел, посвящённый стороне обвинения, связана с тем, что на последующих стадиях уголовного процесса прокурор выполняет такую функцию, но не более того. По крайней мере, деятельность прокурора на описанных выше стадиях точно не относится к выполнению функции государственного обвинения, а, следовательно, предложенная классификация хоть и имеет под собой весомые основания, однако, является не полной, поскольку не учтена функция прокурорского надзора за досудебными стадиями уголовного судопроизводства.

Кроме этого, в рамках предусмотренных классификаций, выделяются следующее деление участников уголовного судопроизводства. Целесообразно выделить функцию «ведения производства по делу». В основе данного критерия лежит определения субъекту, в производстве которого на определённой стадии находится уголовное дело (фактический обладатель материалов уголовного дела) на которое возложены полномочия по

определению дальнейшей судьбы дела (прекращение, приостановление уголовного дела, направление прокурору, утверждение обвинительного заключения, вынесение решения по делу и т.д.).

К таким субъектам относятся следующие:

- субъект, выполняющий функцию правосудия (это, прежде всего суд, или входящие в его состав, судья, председательствующий, присяжный заседатель);
- носители функции расследования: следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, начальник органа (подразделения) дознания, дознаватель;
- субъект выполняющий функцию надзора за законностью производства по делу: прокурор на стадии утверждения обвинительного заключения или обвинительного акта.

К тем лицам, которые относятся к стороне обвинения необходимо отнести прежде всего, государственного обвинителя. Кроме того, к стороне обвинения отнесены частный обвинитель, потерпевший, гражданский истец, их представители. Носителями функции защиты выступают прежде всего подозреваемый, обвиняемый (он же подсудимый, осужденный, оправданный) их законные представители.

Также необходимо выделять группу участников процесса, на которых возложено выполнение функции содействия осуществлению правосудия. Это лица, которые могут выступать источником доказательственной информации, к которым относятся: свидетели специалисты, эксперты, а также, при определённых обстоятельствах, подозреваемый, обвиняемый и потерпевший (хотя отнесение последних перечисленных субъектов к данной группе весьма спорно). Вторая группа субъектов в рамках данного процесса состоит из субъектов, выполняющих техническое содействие процессу: понятой, секретарь судебного заседания, залогодатель, поручитель и т.п. [4, с. 37-43].

В подведение итогов настоящего параграфа, отметим, что прокурор в силу выполняемой им функции реализации политики уголовного

преследования, отнесён к стороне обвинения. Вместе с тем, последнему, в силу Конституции и в силу федерального законодательства присуща и функция надзора за правильностью применения закона, соблюдением прав и законных интересов участников уголовного процесса. Последняя функция предполагает принятия в ходе судопроизводства решение «в пользу» стороны защиты, что противоречит исключительно обвинительной сущности прокурора. Это связано с тем, что обвинительная деятельность государства преследует публичный интерес и не может заключаться в достижения цели «любыми средствами», кроме того, соблюдение уголовно-процессуальной формы является надлежащей гарантией правильного применения материальной нормы. В этом и заключается специфика прокурора как участника уголовного судопроизводства.

1.2 Место и роль прокурора в уголовном процессе

Отметим, что правовой статус прокуратуры определён целым рядом нормативных правовых актов различной юридической силы. Прежде всего, это Конституция РФ, седьмая глава которой посвящена основам судебно-властных отношений и органам прокуратуры. Исходя из названия и содержания данной главы «Судебная власть и прокуратура», на наш взгляд, в ней идёт речь о двух принципиально различных государственных органах: о системе судебных органов и о прокуратуре [22, с. 65]. Считаем, что объединение данных категорий в единый раздел вызвано историческими особенностями развития вышеуказанных органов.

Учитывая главенствующую роль Конституции как основного закона в правовой системе нашего государства, для установления её места и роли в государстве, обратимся к ее положениям.

Согласно ч. 1 ст. 129 Конституции (с учётом последних поправок), прокуратура представляет собой единую централизованную систему органов государственной власти, к функциям которой относится осуществление

надзора за законностью, осуществление уголовного преследования и выполнение «иных» функций.

Соответственно данного предназначения, в уголовном судопроизводстве реализованы как надзорные полномочия прокурора, так и полномочия по осуществлению уголовного преследования. Однако, не смотря на кажущуюся однозначность основных функций прокурора, вопрос об объёме его полномочий, а также о целесообразности возвращения прокуратуре следственных функций, возможности прокурору самостоятельно проводить следственные действия, остаётся открытой.

Необходимо отметить, что в настоящее время в отечественном уголовном судопроизводстве реализована модель усечённого, ограниченного участия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства. При этом, последний реализует присущую прокуратуре на протяжении многих столетий роль обвинения, а также надзора за законностью досудебного производства, однако только при наличии для этого повода. Степень влияния прокурора на принятие решений на досудебной стадии является весьма низкой. При этом, на данный момент, существует мнение о необходимости усиления влияния прокурора на данной стадии, в том числе, предоставления последнему полномочий по самостоятельному осуществлению следственных действий.

В связи с этим, считаем необходимым в рамках данного параграфа, рассмотреть существующую в настоящий момент актуальную дискуссию о наиболее «правильной» модели участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Что касается остальных функций прокуратуры, которые последняя реализует в рамках реализованной в законодательстве концепции участия прокурора, то последние будут детально рассмотрены в других частях настоящего исследования.

Для начала, проведём небольшой экскурс в историю. Как известно, на протяжении длительного периода времени органами прокуратуры выполнялись не только надзорная функция и функция государственного

обвинения, но и следственная функция. Выполнение последней функции было возложено на следственный аппарат прокуратуры, и в период с 01.09.2007 до 15.001.2011 на следственный комитет, подведомственный прокуратуре. Исторический период, в течении которого данная функция была предоставлена прокуратуре охватывает советский период с 30-х годов XX столетия и первые два десятилетия периода современной истории России.

Что же касается других исторических периодов, то, как известно функция следствия была не характерна для прокуратуры. Появление первого независимого следственного органа (ведомства) связано с частично реализацией концепции Судебной реформы 1991 года. По этому поводу И.А. Попов отмечает, в то даже в советской научной литературе 30-х годов уже начали высказываться мнения о том, что непосредственная подчинённость следователей прокурору негативно сказывается на реализации функции расследования уголовных дел. В качестве одного из вариантов решения данной проблемы на протяжении всего советского периода высказывались предложения сосредоточить функцию следователя исключительно в органах внутренних дел [60, с. 20].

В связи с этим, рассмотрим период трансформации следственной функции у прокуратуры в первые два десятилетия современной российской истории. Так, в 1998 году был издан Указ президента РФ, в результате которого был создан Следственный комитет при МВД РФ. Таким образом, было принято промежуточное решение, в результате которого действительно независимый следственный орган сформирован не был, и с другой стороны потребность в его создании как бы была устранена.

Была сформирована система следственных органов, состоящая из следующих звеньев: следователи органов внутренних дел, следователи органов безопасности, следователи органов прокуратуры, следователи налоговой полиции (до 2003 года), следователи органов контроля за оборотом наркотических средств (с 2003 года). При этом, в отношении каждого из перечисленных следственных органов, прокурор как самостоятельный

субъект, имел возможность проводить следственные действия по любому уголовному делу и даже проводить предварительное следствие в полном объёме. Таким образом, модель предварительного следствия в целом можно охарактеризовать как полицейско-прокурорскую.

В последствии в России был произведён поэтапный отказ от «прокурорского следствия». Это происходило в два этапа. На первом этапе в 2007 году был сформирован следственный комитет при прокуратуре, который формально был отнесён к ней, но административно, не подчинялся. Вместе с этим, новый следственный орган был независим только формально. В последствии, новый следственный орган был выведен из подчинения прокуратуры и сформирован как действительно независимая «следственная власть».

Отметим, что относительно целесообразности или нецелесообразности реформы следственного аппарата в текущем виде существует настоящая ведомственная дискуссия, высказываются различные точки зрения [16, с. 43-44; 24, с. 41-42; 78, с. 89-90]. В качестве аргументов против концепции усиления роли прокуратуры на досудебном следствии необходимо указать следующее. Н.В. Бабич обращает внимание на то, что в таком случае неизбежно «прокуратура опять обретёт статус и контролирующего и надзирающего органа за предварительным следствием, и, к тому же, будет поддерживать государственное обвинение» [10, с. 16]. А кто в таком случае будет контролировать прокуратуру с настолько чрезмерными полномочиями?

Интересно рассмотреть каким именно образом определяется роль прокурора (государственного обвинителя) в уголовных процессах зарубежных государств. Например, в рекомендациях Совета Европы от 2000-го года, прокурор определён как государственный орган, который от имени общества и общественного интереса обеспечивает применение закона, если нарушение закона влечет за собой уголовное наказание, принимая во внимание как права личности, так и необходимую эффективность система уголовного правосудия [81]. Иными словами, прокурор выполняет как роль «блюстителя»

соблюдения прав участников процесса, так и обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наказания. Приблизительно таким же образом, понимается роль прокурора, например, в Голландии: «дело против подсудимого представляется в суд прокурором от имени общества в целом» [82].

Анализ многих систем поддержания государственного обвинения в зарубежных странах, говорит о том, что последние как правило, обусловлены собственным историческим опытом. Так, например, в Австралии поддержанием обвинения в судах по уголовным делам занимаются три различные категории: помимо полицейских прокуроров (дела небольшой тяжести) и коронных прокуроров (обвинение от имени общества по делам тяжёлого характера), правительственные учреждения обычно имеют право назначать не юристов для судебного преследования от их имени, таких как инспекторы RSPCA [83]. Особенностью США является то, что она единственная страна в мире, в которой прокуроры не назначаются, а избираются. Поддержанием обвинения в суде занимаются окружные прокуроры, прокуроры штатов, и прокуроры содружества [80].

Кроме того, особенностью правовых систем, относящихся к англо-саксонской правовой семье, является наличие специального ведомства – дирекции государственного обвинения. Это ведомство или должностное лицо, которому поручено преследование за уголовные преступления в нескольких уголовных юрисдикциях по всему миру. Наличие такого ведомства характерно для Белиз, Канады, Ирландии, Норвегии, ЮАР, Великобритании [79].

В подведение итогов рассмотрения места и роли прокуратуры в уголовном судопроизводстве отметим, что в рамках предполагаемой модели усиления роли прокуратуры в уголовном судопроизводстве, предлагаются варианты: переход единого следственного органа в структуру прокуратуры, либо усиление роли прокуратуры на стадии предварительного следствия в целом.

Главным аргументом сторонников данной позиции является текущая слабая роль прокуратуры во влиянии на ход предварительного расследования. Вместе с тем, в обеих предлагаемых вариантах, такая реформа будет означать сосредоточение в одном государственном органе чрезмерного объёма полномочий в сфере уголовного судопроизводства. В качестве ещё одного аргумента может быть использовано то, что в большинстве западных моделей предварительного расследования, именно прокурор «возглавляет» досудебное производство под руководством которого работают органы полиции (в их различных вариациях). К тому же возникает проблема осуществления контроля за самой прокуратурой, которая будет наделена полномочиями по возбуждению уголовного преследования, осуществлению уголовного преследования, надзора за его законностью и последующего поддержания государственного обвинения в суде.

В целом, роль и место прокуратуры в уголовном судопроизводстве заключается в выполнении конституционных функций надзора за законностью, соблюдением прав и свобод человека на всех стадиях уголовного судопроизводства, а также в реализации политики публичного (от имени государства) уголовного преследования.

1.3 Правовое регулирование участия прокурора в уголовном процессе

Учитывая избранную структуру работы, вопросы правового регулирования и сложившейся практики участия прокурора на досудебной и судебных стадиях в уголовном судопроизводстве детально и всесторонне будут рассмотрены в следующих разделах работы. В свою очередь, в рамках настоящего параграфа, будет рассмотрен вопрос правового регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве с системной точки зрения, как соответствующий правовой институт. В том числе, будет осуществлена

попытка построения системы нормативно-правовых актов относительно рассматриваемого вопроса, установления их иерархии.

Основополагающее место в системе правового регулирования осуществления любой функции прокуратуры занимают положения Конституции. Основной массив правового регулирования деятельности прокуратуры расположена в ст. 129 Конституции. При этом, первая часть посвящена определению прокуратуры как государственного органа и её основным функциям, а остальные пять частей (со второй по шестую включительно) посвящены «кадровому вопросу», а именно требованиям к служащим прокуратуры и особенностям назначения прокуроров различного уровня.

Прочитаем ст. 129 Конституции: «прокуратура Российской Федерации - единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом».

Вышеуказанное определение порождает ряд проблем в понимании и применении правовых норм. Рассмотрим некоторые из них.

Во-первых, прокуратура представляет собой орган государственной власти федерального уровня. Система органов прокуратуры построена по территориальному принципу, подчинена единому центру, т.е. является «централизованной». Такая характеристика означает наличие прямой подчинённости прокурора даже наиболее «первичного» уровня Генеральному прокурору РФ. Тут сразу же возникает вопрос по аналогии с вопросом о процессуальной самостоятельности следователя, о том, насколько самостоятелен прокурор, принимающий участие в уголовном деле, например, на стадии судебного разбирательства в суде первой инстанции. В силу прямых

предписаний УПК, которые будут рассмотрены далее, ни о какой зависимости прокурора от своего руководства и речи быть не может. Согласуются ли эти положения с принципом централизации системы органов прокуратуры, а значит отсутствием «автономии воли» любых элементов централизованной системы.

Далее отметим, что в ст. 129 Конституции обозначены две, как представляется, основные функции прокуратуры, которые более подробней уже были рассмотрены в предыдущем параграфе настоящего исследования (функции надзора и функция уголовного преследования).

Данные функции дублируются и несколько конкретизируются применительно к уголовному процессу в ч. 1 ст. 37 УПК, согласно которой «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия».

Коротко отметим, что функция надзора за соблюдением законов, прав и свобод человека, не должна и не может быть ассоциирована или заменена на функцию контроля, по этому, передача прокурору полномочий системного контроля за ходом следствия, без наличия повода для такого вмешательства (в виде поступившей жалобы, выявление ситуаций требующих вмешательства при изучении поступивших от следователя материалов уголовного дела, например, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, об объявлении в розыск, о приостановлении и возобновлении досудебного следствия и т.п.), превращает функцию надзора в функцию постоянного контроля. Как известно науке, прокурорский надзор, судебный и ведомственный контроль в уголовном судопроизводстве имеют различную природу, что подтверждается многочисленными исследованиями [45, с. 99-104; 2, с. 99-107].

Вторая функция прокуратуры заключается в реализации от имени государства уголовного преследования. Данная функция в уголовном процессе реализуется в двух основных направлениях: предоставленных прокурору полномочий инициировать начало уголовного преследования, и поддерживать в судебных стадиях уголовного судопроизводства обвинение лица в совершении преступления. Отметим, что содержание «уголовного преследования» является спорным вопросом для уголовно-процессуальной науки. Однако, в силу прямых норм закона и сложившегося понимания, лицо подвергается уголовному преследованию сразу же после обретения последним статуса подозреваемого (например, в момент его фактического задержания, избрания меры пресечения и т.п.) или даже в тот момент, когда «в отношении» данного лица начинают проводиться следственные и розыскные действия, смысл и содержание которых даёт основания полагать о наличии в отношении последнего подозрения со стороны правоохранительного органа. Косвенно на это указывает и сложившееся к настоящему моменту практика обеспечения такому лицу права на квалифицированную помощь адвоката (защитника) при проведении в отношении лица следственных и розыскных действий даже до возбуждения уголовного дела. Раз существует право на защиту, то существует и деятельность (действия) от которых необходимо защищаться.

Вместе с тем, в настоящий момент, наиболее устоявшейся классификацией видов уголовного преследования, является её классификация на основе фактора «уровня» преследования: подозрение, обвинение, осуждение [20, с. 104]. Очевидно, что участие прокурора в уголовном преследовании на стадии подозрения и осуждения весьма ограничено. Фактически, реальными полномочиями по поддержанию уголовного преследования прокурор наделён только в части поддержания государственного обвинения. Данное утверждение подтверждается ч. 2 ст. 35 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», прокурор осуществляет уголовное преследование в суде исключительно в форме поддержки государственного обвинения.

Однако, это не отменяет наличие на современном этапе дискуссии относительно выделения деятельности направленной на поддержание обвинения в качестве отдельной функции прокуратуры. Например, на это указывается в отдельных научных публикациях [13, с. 35-42; 68, с. 159].

Обратимся еще раз к федеральному закону, регулирующему статус прокуратуры. в настоящий момент действует федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202 «О прокуратуре Российской Федерации» [46] (далее – ФЗ «О прокуратуре»). Анализ данного нормативного правового акта даёт основания полагать, что он практически не регулирует вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Данное обстоятельство вполне согласуется с положениями ст. 1 УПК, согласно которой, уголовное судопроизводство осуществляется исключительно в порядке, установленном УПК, такой порядок является обязательным для всех участников судопроизводства, положения УПК основаны на положения Конституции, в систему правового регулирования уголовного производства входят общепризнанные принципы, нормы международного права, а также международные договора, не входящие в противоречие с нормами Конституции. Таким образом, в системе регулирования вопроса участия прокурора в уголовном судопроизводстве, место другим отечественным нормативным правовым актам, в т.ч. ФЗ «О прокуратуре», нет.

Так, согласно абз. 6 ч. 2 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре», прокуратура осуществляет уголовное преследование исключительно в том порядке, который установлен в УПК. Практически аналогичное предписание содержится и в ч. 1 ст. 30 указанного ФЗ.

Таким образом, уголовное преследование относится только к сфере уголовного судопроизводства, в то время как функция надзора за законностью, а также за соблюдением прав и свобод человека, является функцией, относящейся ко всем сферам общественной жизни.

Однако, отдельные положения ФЗ «О прокуратуре» позволяют утверждать о том, что хоть и косвенно, но указанный закон регулирует

отдельные вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве. Рассмотрим их.

Так, согласно абз. 1 ч. 10 ст. 21 ФЗ «О прокуратуре», в случае, если будет принято решение о приостановлении прокурорской проверки, то полученные в ходе такой проверки подлинники документов должны быть возвращены организации в отношении которой проводится проверка, однако, при направлении материалов для решения вопроса об уголовном преследовании в отношении лица, допускается направление подлинников указанных документов. Также, согласно ч. 2 ст. 27 ФЗ «О прокуратуре», «при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления, прокурор принимает меры к тому, чтобы лица, его совершившие, были подвергнуты уголовному преследованию в соответствии с законом».

Очевидно, что речь идёт о возможности прокурора направить соответствующее представление и использовать такие материалы в качестве повода для возбуждения уголовного дела (п. 4 ч. 1 ст. 139 УПК).

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что ФЗ «О прокуратуре» предусматривает, что реализация полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве возможна исключительно в порядке, предусмотренном уголовным процессуальным законодательством. При этом, указанным ФЗ частично урегулирована обязанность (а значит и возможность) прокурора изымать и направлять по подследственности материалы для разрешения вопроса об уголовном преследовании в случае выявления последним признаков преступления. Такие положения не являются нарушением предписаний ст. 1 УПК об источниках регулирования уголовного судопроизводства, поскольку регулируют должностную обязанность прокурора воспользоваться предоставленным ему полномочием в определённых случаях, т.е. до начала уголовно-процессуальных отношений.

Далее необходимо обратить внимание, что в своей практической деятельности по реализации полномочий в сфере уголовного

судопроизводства прокуроры руководствуются не только УПК, но и ведомственными нормативными правовыми актами, а именно приказами Генерального прокурора РФ. В результате проведенного анализа, установлено, что к таким НПА относятся следующие:

- приказ ГП РФ от 01.11.2011 г. № 373 «О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора» [49];
- приказ Генерального прокурора РФ (далее – ГП РФ) от 26.1.2017 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» [50];
- приказ ГП РФ от 28.12.2016 г. № 826 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [51];
- приказ Генеральной прокуратуры РФ от 02.06.2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» [52],
- приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 сентября 2011 г. № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» [53];
- приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» [54];
- совместное Указание ГП РФ, СК РФ, МВД России, МЧС России, ФССП России, ФСБ России, ФСКН России и ФТС России от 3 июня 2015 г. № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081 «Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» [55].

Анализ перечисленных приказов, позволяет утверждать, что последние приняты во исполнение полномочий, предоставленных ч. 1 ст. 17 ФЗ «О прокуратуре», согласно которой, приказы и указания могут издаваться исключительно по вопросам организации деятельности прокуратуры. Иными словами, данным приказом не могут и не должны устанавливаться новые или даже детализироваться уже существующие правила осуществления уголовного судопроизводства, которые, как известно, могут быть предусмотрены исключительно УПК, нормами международного права, международными договорами, не противоречащими Конституции.

Однако, если внимательно ознакомиться с содержанием данных приказов, то их соответствие вышеуказанному критерию вызывает большое сомнение. Так, например, в п. 2.1 приказа ГП РФ от 01.11.2011 г. № 373, указано, что поступившие прокурору жалобы на действия или бездействия следователя, дознавателя или орган дознания должны быть рассмотрены в срок не более 3 суток, а в исключительных случаях – до 10 суток. Таким образом, имеет место дублирование нормы УПК, а именно ч. 1 ст. 124, которая устанавливает те же сроки рассмотрения жалоб. Таким образом, в рассмотренном положении приказа ГП РФ идёт речь не об организационном вопросе, а устанавливается норма права, аналогичная по содержанию норме права в УПК. При этом в приказе содержится и предписание организационного характера, а именно указывается прокурор какого уровня решает вопрос о возможности продления срока рассмотрения жалобы (т.е. вопрос организации принятия решения от «имени прокурора»). Представляется, что более правильным и целесообразным было бы изложение п. 2.1 Приказа № 373 в формулировке, например, «в сроки, предусмотренные УПК».

В результате рассмотрения положений приказ Генеральной прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 посвящённого вопросам организации прокурорского надзора за досудебным следствием, установлено наличие такого юридического явления как «грубое нарушение закона»,

поскольку в пунктах 5, 10 и 28, согласно которых грубыми нарушениями признаются не выполнения требований прокурора, не рассмотрения ходатайств стороны защиты в установленный срок. Такие «грубые нарушения», согласно того же приказа требуют принятия мер прокурорского реагирования. Является ли такое предписание организационным? Со всей очевидностью, нет.

В других из перечисленных приказах, употребляется термин «существенные нарушения закона» и определяются случаи, которые должны считаться таковыми (например, приказ от 28.12.2016 г. № 826).

Аналогичные положения нормативного характера содержатся и в других приказах. Представляется, что такие положения, облечённые в нормативную форму, должны иметь характер рекомендаций по аналогии с обобщениями судебной практики судами высших инстанций и не могут и не должны быть облечены в форму нормативного правового акта. Данное утверждение не относится к тем нормам перечисленных приказов, которые действительно имеют организационный характер и связаны, например, с периодичностью проверок законности принятия определённых видов решений (например, учётно-регистрационной дисциплины по заявлениям и сообщениям о преступлениях, постановлений о прекращении уголовных дел), периодичности проведения анализа и обобщения практики применения законодательства об избрании меры пресечения, вопросов компетенции прокуроров различного уровня относительно принятия решений и т.п.

Таким образом, необходимо констатировать, что источником правового регулирования деятельности прокурора в уголовном судопроизводстве может быть только УПК, основанный на Конституции, а также общепризнанные нормы и принципы международного права, международные договоры, при условии, что последние не противоречат Конституции.

В связи с этим, основу правового статуса прокурора в уголовном судопроизводстве играет УПК. Основной нормой, регулирующей статус прокурора в уголовном процессе выступает ст. 37 УПК. В ст. 2 данной нормы

перечислены основные права и полномочия прокурора, предметный анализ которых будет произведён в следующих разделах настоящего исследования, поскольку все их можно отнести, соответственно к участию прокурора на досудебной и в последующих стадиях уголовного процесса.

В подведение итогов настоящего параграфа, отметим, что системы правового регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве составляет следующая группа нормативных правовых актов (на основании критерия юридической силы):

- Конституция РФ, как высший и основной закон государства, нормы которого обладают прямым действием и имеют большую юридическую силу в случае противоречия с положениями УПК и других НПА.
- Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, при условии, что последние не противоречат Конституции. Такие нормы имеют большую юридическую силу, чем положения УПК.
- Уголовный процессуальный кодекс РФ. По объёму правового регулирования именно данный источник выступает основным НПА регулирующим вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

Также в системе правового регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве целесообразно выделить НПА вспомогательного характера, к которым относятся ФЗ «О прокуратуре» (данный ФЗ определяет статус прокурора в целом, отдельные его нормы согласуются с УПК, его «вспомогательность» касается именно вопросов регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве). Также, к этой группе НПА необходимо отнести приказы и указания Генеральной прокуратуры РФ, которые носят нормативный (обязательный) для исполнения прокурорами характер, однако должны относиться исключительно к организационным вопросам участия прокурора в уголовном процессе.

В результате проведённого анализа выявлены отдельные положения ФЗ «О прокуратуре» и приказов ГП РФ, которые частично «перебирают» на себя вопросы относящиеся к предмету регулирования УПК. Так, ФЗ «О прокуратуре» частично урегулирована обязанность (а значит и возможность) прокурора изымать и направлять по подследственности материалы для разрешения опроса об уголовном преследовании в случае выявления последним признаков преступления. Такие положения не являются нарушением предписаний ст. 1 УПК об источниках регулирования уголовного судопроизводства, поскольку регулируют должностную обязанность прокурора воспользоваться предоставленным ему полномочием в определённых случаях, т.е. до начала уголовно-процессуальных отношений.

Аналогичные положения нормативного характера содержатся и в приказах. Представляется, что такие положения, обличённые в нормативную форму, должны иметь характер рекомендаций по аналогии с обобщениями судебной практики судами высших инстанций и не могут и не должны быть обличены в форму нормативного правового акта. Данное утверждение не относится к тем нормам перечисленных приказов, которые действительно имеют организационный характер и связаны, например, с периодичностью проверок законности принятия определённых видов решений (например, учётно-регистрационной дисциплины по заявлениям и сообщениям о преступлениях, постановлений о прекращении уголовных дел), периодичности проведения анализа и обобщения практики применения законодательства об избрании меры пресечения, вопросов компетенции прокуроров различного уровня относительно принятия решений и т.п.

Глава 2 Участие прокурора в стадии предварительного расследования

2.1 Надзорные полномочия прокурора в стадии предварительного расследования

Соотношение полномочий прокурора по надзору и по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного производства, представляет немалую сложность как для теоретиков, так и для практических работников.

В связи с тем, что функционирование всех составляющих состязательного процесса представляется невозможным без обвинительной функции прокурора, в п. 47 ч. 1 ст. 5 УПК РФ законодатель предусмотрел для него главенствующую роль в поддержании государственного обвинения.

«Как следует из ч. 1 ст. 37 УПК РФ, прокурор, осуществляя свою деятельность от имени государства, в рамках своей компетенции, обязан в ходе уголовного производства реализовать уголовное преследование и надзор за работой органов расследования. Однако, рассматриваемая норма четко не разграничивает его полномочий исходя из функций, осуществляемых на досудебных стадиях процесса» [9, с. 8-11].

В уголовно-процессуальной теории преобладают несколько точек зрения, отражающих специфику соотношения полномочий по уголовному преследованию и надзору в деятельности прокурора. Так, некоторые процессуалисты уверены, что основной вектор деятельности прокурора в досудебном производстве направлен на реализацию уголовного преследования, а все другие функции следует воспринимать как производные [14, с. 1346]. Прямо противоположное мнение у ряда иных теоретиков, которые полагают, что на досудебных стадиях процесса основной функцией прокурора необходимо считать именно надзор [43, с. 173]. Согласно третьей

позиции, между двумя анализируемыми функциями в деятельности прокурора преобладает устойчивый баланс [11, с. 59].

Тем не менее, несмотря на явную самостоятельность функций по уголовному преследованию и надзору, ряд современных исследователей предложили воспринимать их как «двуединую функцию». Такая позиция обосновывается, как правило, тем, что стоя во главе системы органов, реализующих уголовное преследование, прокурор, на основе идеи состязательности, принимает участие в процессе как сторона обвинения, и одновременно служит гарантом соблюдения интересов и прав всех участников уголовно-процессуальных отношений [38, с. 79].

Несомненно, полномочия прокурора по уголовному преследованию и надзору непосредственно нацелены на реализацию им назначений уголовного производства. Стоя во главе обвинения, прокурор ответственен и за его обоснованность, и за обеспечение прав участников уголовного судопроизводства. Эффективность деятельности прокурора обуславливает наиболее полное выполнение задач, возникающих в уголовном процессе. Именно поэтому, установление необходимого баланса между полномочиями прокурора по уголовному преследованию и надзору, способствует реализации, содержащихся в ст. 6 УПК РФ, назначений уголовного судопроизводства.

Как полагают К.Б. Калиновский и А.В. Смирнов, «уголовное преследование осуществляется посредством прокурорских полномочий, направленных на эффективное обеспечение неотвратимости уголовного наказания для субъектов преступления» [33, с. 89].

Е.Н. Бушковская отмечает, что «относительно прокурорских полномочий по надзору за деятельностью органов расследования следует указать, что согласно нормам ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1, в качестве предмета надзора выступает законность, принимаемых органами предварительного следствия и дознания, решений. Соответственно, предусмотренные законом полномочия прокурора в рамках досудебных

стадий процесса, нацеленные на проверку законности вынесенных органами предварительного расследования решений, следует признать надзорными» [9, с. 8-11].

К надзорным полномочиям на стадии возбуждения дела, среди прочих, относятся:

- проверка исполнения требований действующего законодательства, регулирующего регистрацию, прием и разрешение сообщений о совершенных противоправных деяниях (п. 1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- вынесение постановления о направлении в следственные органы соответствующих материалов, нацеленного на решение вопросов об уголовном преследовании в связи с обнаруженными прокурором нарушениями уголовного закона (п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- разрешение в порядке ст. 124 УПК РФ жалоб на действия и решения дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа;
- проверка в порядке ч. 4 ст. 146 вынесенного следователем (дознавателем) постановления о возбуждении уголовного дела;
- проверка в порядке ч. 4, 6 ст. 148 вынесенного следователем (дознавателем) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела и др.

В свою очередь, к надзорным прокурорским полномочиям, предоставленным в рамках стадии предварительного расследования, в частности, относятся:

- требование от органов следствия (дознания) устранения нарушений законодательства, сделанных при регистрации, приеме и разрешении сообщений о фактах противоправных деяний, в ходе производства предварительного следствия либо дознания (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- проверка соблюдения законодательства при задержании подозреваемого в порядке статей 91 и 92 УПК РФ;

- разрешение в порядке 124 УПК РФ жалоб на решения и действия дознавателя, начальника органа дознания, следователя, руководителя следственного органа;
- истребование и проверка законности решений следователя либо руководителя следственного органа, касающихся отказа в возбуждении, прекращения либо приостановления уголовного дела, и вынесение по ним решений (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- внесение в порядке ст. 24 УПК РФ ФЗ представления об устранении нарушений законодательства, а также причин и условий таких нарушений;
- отмена неправомερных постановлений нижестоящего прокурора, а также органа дознания и его начальника, дознавателя в установленном УПК РФ порядке (п. 6 ч. 2 ст. 37 УПК РФ);
- рассмотрение поступившего от следователя в порядке ст. 221 УПК РФ обвинительного заключения;
- рассмотрение поступившего от дознавателя в порядке ст. 226 УПК РФ обвинительного акта;
- рассмотрение поступившего от дознавателя в порядке ст. 226.8 УПК РФ обвинительного постановления и др.

Установленные законом полномочия отражают сущность надзорной функции прокурора.

Наиболее показательной функция прокурорского надзора является на стадии направления уголовного дела прокурору для утверждения обвинительного заключения. В свою очередь, наиболее показательным в рамках такой стадии будет является реализация полномочия по направлению уголовного дела руководителю следственного органа для организации дополнительного расследования, либо начальнику подразделения дознания с конкретными указаниями для дознавателя, носящими обязательный характер.

Реализация прокурором полномочий относительно продления (удлинения) процессуальных сроков при производстве прокурорского надзора

заключается в необходимости осуществления более тщательного и эффективного прокурорского надзора. При этом, в уголовном процессуальном законодательстве отсутствует чёткий механизм реализации таких полномочий.

Как отмечает В.М. Быков «В рамках предварительного следствия реагирование прокурора сводится только к опосредованному пресечению нарушений законов (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ст. 124 УПК РФ) и их предупреждению. Исключением является вынесение решений в пределах соприкосновения стадий возбуждения дела (ст. 146-148 УПК РФ) и предварительного расследования (статьи 221, 226, 226.8 УПК РФ)» [7, с. 59-61].

В соответствии с информацией, содержащейся на официальном сайте Генеральной прокуратуры РФ, сегодня происходит систематический рост количества обнаруженных прокурорами нарушений в процессе производства дознания и следствия. В частности, за 7 месяцев 2016 г. обнаружено 768083 фактов нарушений закона в ходе следствия и дознания, за этот же промежуток времени 2017 г. - 817915, 2018 г. - 865429, а 2019 г. и вовсе - 920798 случаев нарушений [56].

Тем не менее, как указывают авторы, проводившие анкетирование, работники прокуратуры все же считают прокурорский надзор востребованным средством, обеспечивающим защиту прав и интересов субъектов уголовного производства. В частности, 40% опрошенных дали на это утвердительный ответ, а 55% условно утвердительный ответ. Среди следователей так считают 30% опрошенных, 45% - дали условно утвердительный ответ, а среди дознавателей такое соотношение 40% - 50% [17, с. 41 - 43].

Большая часть участвующих в опросе граждан (порядка 60%), убеждены, что обращение непосредственно в прокуратуру будет способствовать предотвращению волокиты и произвола должностных лиц, позволит гарантировать принятие законного решения и при возбуждении

уголовного дела, и при оспаривании постановлений сотрудников органов расследования.

Стоит согласиться с утверждением о том, что надзор за соблюдением закона органами предварительного следствия, осуществляемый прокурором, способствует безоговорочному соблюдению закона при расследовании, а также полной проверке на причастность к деяниям субъектов, заподозренных в них [26, с. 183-184]. Также верно предположение, что наиболее действенным прокурорский надзор сможет стать тогда, когда прокурор будет не просто оценивать расследование на соответствие законодательству, но и сможет при помощи вверенных полномочий направлять его для обеспечения законности, совершать отмену процессуальных актов органов предварительного следствия и дознания [59, с. 20-24].

Полагаем, что заслуживают внимания некоторые предложения по совершенствованию правового регулирования прокурорских надзорных полномочий прокурора, сформулированные исследователями. Так, предложено наделить его полномочиями по заслушиванию отчетов дознавателя и следователя по доследственной проверке либо ходу предварительного расследования [70, с. 77], а также по допросу потерпевших и свидетелей в процессе утверждения обвинительного заключения [35, с. 113]. Заслуживает внимания предложение об изменении сложного порядка обращения с требованиями о прекращении нарушений закона, установленного в ч. 6 ст. 37 УПК РФ [36], а равно нормы ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ относительно устранения ограничений для доступа к материалам дела [76], [77].

В настоящий момент весьма затруднителен общий подход к надзору за органами и дознания предварительного следствия.

В результате существенных изменений в УПК РФ, сделанных посредством Федерального закона от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ, исследователи не раз поднимали вопрос о сохранении прокурорского надзора за работой органов предварительного следствия.

С возвратом прав по истребованию и проверки законности решений об отказе в возбуждении, прекращении либо приостановлении уголовного дела и, при необходимости, их отмены (п. 5.1 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), законодатель положительно ответил на этот вопрос.

Тем не менее, различие в комплексе надзорных полномочий прокурора, зависящее от формы расследования, дало основания для убеждения, что процессуальный закон обеспечил условия для полной оценки прокурором следственных органов [15, с. 33 - 39], а равно для признания этой ситуации в качестве противоречащей сущности прокурорского надзора [65, с. 169].

Для создания эффективных механизмов надзора, надзорные полномочия прокурора на стадии предварительного расследования конкретизируются в специализированных актах Генерального прокурора РФ, где быстрее реагирование на обнаруженные нарушения, сделанные в процессе расследования деяний, и систематичность надзора, служат основами для повышения качества расследования и реализации надзора за процессуальной деятельностью [51].

Таким образом, действующие нормы УПК РФ, касающиеся полномочий прокурора по надзору за органами предварительного следствия, прокуроры признают несовершенными, поскольку им недостает таких полномочий и существует потребность расширения их объема. Подчеркивается необходимость их закрепления как минимум в том объеме, в каком они находились до внесения корректировок в УПК РФ в 2007 году.

В Федеральном законе «О прокуратуре РФ» следует предусмотреть отраслевые задачи надзора за деятельностью предварительного следствия и дознания, в связи с тем, что они должны являться независимыми от формы предварительного расследования и едиными. Подобные корректировки законодательства позволят создать основу нормативной регламентации надзорных полномочий прокурора, повлекут стабильность исследуемых полномочий, помогут предотвратить их непоследовательные изменения.

2.2 Полномочия прокурора на осуществление уголовного преследования в стадии досудебного производства

В содержании функции уголовного преследования, выполняемой прокурором в рамках досудебного производства, просматриваются три взаимосвязанных составляющих:

- материальная;
- процессуальная;
- обеспечительная.

Опираясь на данную классификацию, можно прийти к выводу, что на стадии возбуждения дела прокурор реализует материальную составляющую посредством полномочия по вынесению в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановления, в рамках которого он может квалифицировать обнаруженное правонарушение и требовать от органов дознания либо следствия соответствующего уголовного преследования. «В последствии, прокурор вправе выразить свое отношение относительно квалификации действий нарушителя, по которому рассматривается вопрос о возбуждении уголовного дела, при общем согласии с постановлением следователя (дознателя) о возбуждении производства в отношении определенного лица. При несогласии с квалификацией деяния со стороны органа расследования, осуществленной при возбуждении дела, прокурор отправляет материал для проведения дополнительной проверки в порядке ч. 4 ст. 146 УПК РФ, предусмотрев свое мнение об использовании норм уголовного законодательства, также опосредованно влияя на квалификацию действий подозреваемого» [69, с. 15-18].

Таким же правом прокурор обладает при отмене по ч. 6 ст. 148 УПК РФ незаконного постановления об отказе в возбуждении дела.

В то же время самостоятельно изменить посредством своего соответствующего постановления квалификацию преступления, прокурор не может.

«В качестве исключения выступают материалы, состоящие в производстве у дознавателей в порядке статей 144-145 УПК РФ. При проведении проверки, до вынесения решения в порядке статей 146-148 УПК РФ, через реализацию полномочия, установленного п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, прокурор вправе императивно направить дознавателя на верную квалификацию» [12, с. 56].

«Реализуя функцию уголовного преследования, в рамках предварительного расследования прокурор сохранил вероятность оказания прямого воздействия на формирующееся обвинение. Однако, опять же это лишь по делам, находящимся у дознавателей, посредством письменных указаний, сделанных в порядке п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о направлении расследования, где указывается мнение прокурора относительно квалификации содеянного подозреваемым. В процессе предварительного следствия таких полномочий у прокурора не имеется» [27, с. 43].

«Однако, возможность опосредованного указания на ошибочность квалификации содеянного у прокурора все же есть. Он вправе заявить требование в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ об устранении нарушений законодательства. В соответствии с нормами УПК РФ, указанный акт реагирования не имеет прямого действия, он может быть воплощен после его рассмотрения и согласования с соответствующим руководителем следственного органа либо следователем» [66, с. 54-55].

«При увеличении сроков производства дознания (ч. 3 ст. 223 УПК РФ, ч. 3 ст. 144 УПК РФ), признавая отсутствие законодательных нарушений, прокурор вправе зафиксировать начавшееся уголовное преследование, по причине недостаточности улик не способное завершиться возбуждением дела против конкретного субъекта либо изданием обвинительного акта. Решая увеличить срок расследования в связи с необходимостью продолжения проверки конкретного лица по преступлению, прокурор реализует материальную составляющую преследования, выраженную опосредованным

согласием со статьей уголовного закона, в соответствии с которой преследование осуществляется» [40, с. 18-19].

Прокурор, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ наделён полномочиями по возвращению поступившего ему с обвинительным заключением уголовного дела следователю со своими письменными указаниями. Таким образом, прокурор может хоть и косвенно (опосредованно), но всё-таки влиять на квалификацию действий обвиняемого ещё на стадии досудебного производства. В том числе, среди прочего, в указаниях прокурора может содержаться его позиция относительно наличия оснований для прекращения уголовного дела как по реабилитирующим, так и по нереабилитирующим основаниям.

Что касается рассмотрения поступившего прокурору от дознавателя уголовного дела с обвинительным актом, то прокурор в отношении дознавателя обладает значительно большим объёмом полномочий, а именно указать на правильную, по его мнению, уголовно-правовую оценку действия обвиняемого. Кроме того, прокурор наделён правом самостоятельно прекратить производство по делу по любому из предусмотренных УПК РФ оснований.

Вышеуказанные полномочия, на первый взгляд, являются надзорными мерами, применяя которые, прокурор оценивает законность завершившегося этапа расследования либо проверки. Тем не менее, если взглянуть иначе, они обладают и материальным элементом уголовного преследования, когда с их помощью прокурор влияет на обвинение, формирующееся по уголовному делу.

«Материальная составляющая преследования в деятельности прокурора в рамках досудебных стадий, проявляется также в полномочиях, касающихся: удовлетворения ходатайства подозреваемого относительно досудебного соглашения о сотрудничестве, и внесения представления об особом порядке судебного заседания и вынесения решения суда по делу в отношении лица, с

которым по правилам главы 40.1 УПК РФ заключено досудебное соглашение о сотрудничестве» [43, с. 73].

«Если говорить о минусах опосредованного участия в процессе формирования обвинения, то следует указать на длительный временной период (до 14 суток, а также более) получения желаемого результата квалификации по уголовному делу, возбужденному, расследуемому либо направленному прокурору в целях утверждения обвинительного заключения. При направлении дела на дополнительное расследование, а равно отмене незаконных постановлений следователя о приостановлении либо завершении расследования, период устранения нарушений зависит также от времени принятия дела следователем к производству» [43, с. 74].

В этом случае, соблюдение разумности сроков производства ставится в зависимость от усмотрения органа расследования, что не соответствует властному характеру прокурорской деятельности. Вместе с этим, сомнительна логика законодателя, предоставившего прокурору полномочие по отмене по сути первого процессуального решения по уголовному делу – о его возбуждении, но лишивший прокурора полномочия относительно отмены постановления о привлечении в качестве обвиняемого. В замен таких полномочий, прокурор наделён правом требовать устранения допущенных нарушений закона без указания на конкретные действия, которые необходимо совершить субъекту расследования. При этом, незаконное постановление о привлечении обвиняемым, не отмененное вовремя, наносит более существенный вред уголовному судопроизводству, чем расследование уголовного дела, возбужденного по ошибочной статье УК РФ.

Как уже упоминалось, комплекс прокурорских полномочий, касающихся формирования обвинения, изменяется в зависимости от формы предварительного расследования. При дознании прокурор может самостоятельно исключить из дела некоторые пункты обвинения, осуществить переквалификацию деяния на менее тяжкое, а равно прекратить уголовное

дело при утверждении обвинительного акта, давать указания относительно направления расследования и производства процессуальных действий.

«В то же время, закон не предоставляет прокурору полномочий (в т.ч. при дознании) самостоятельно изменить квалификацию деяния на стадии возбуждения дела либо при расследовании» [24, с. 7-8].

«Определенными особенностями обладает осуществление прокурором процессуальной составляющей уголовного преследования. Возможность ее реализации тоже состоит в зависимости от формы расследования. При дознании прокурор наделен правом руководства уголовным преследованием на любом этапе, используя полномочия, упомянутые в п. 4 ч. 2 ст. 37 УПК РФ. При предварительном следствии подобное управляющее действие пересекается с надзорными полномочиями, и становится возможным исключительно в случае нарушения закона органом следствия (п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), либо по завершению расследования с вынесением необоснованного процессуального решения» [5, с. 47-49].

Наличие таких полномочий, кроме положительных, имеет и отрицательные стороны. В частности, реализация полномочия прокурора по направлению дознавателю указаний о проведении первоначальных следственных и процессуальных действия на стадии возбуждения уголовного дела, делают дознавателя простым исполнителем субъективного представления прокурора о том, каким образом и куда надо направлять дознание по уголовному делу, какие процессуальные и следственные действия необходимо осуществить. Более того, такие указания могут содержать и сроки их исполнения, предусматривают необходимость уведомить прокурора о результатах их исполнения. Иными словами, в таком случае дознаватель будет больше обеспокоен тем, что его привлекут к ответственности за неисполнение указаний прокурора, чем тем, каким образом и как необходимо производить дознание.

В таком случае также, дознаватель получивший в ходе первоначальных следственных действий информацию отличную от первоначальной

следственно-криминалистической картины по уголовному делу, может осознавать необходимость направления дознания в другое «русло», однако будут иметь место указания прокурора данные по результатам изучения первичной следственной картины (первичных следственных версий). Таким образом, дознаватель находится в начальной стадии и процессуальное законодательство еще никем не нарушено. Представляется, что подобные указания на начальном этапе расследования следует давать начальнику органа дознания, а не прокурору, поскольку именно первому надлежит осуществлять ведомственный контроль.

Рассуждая подобным образом, можно было согласиться с мнением А.М. Багмета, согласно которому на данном этапе участие прокурора не требуется, поскольку, как свидетельствует практика, и без него руководители следственных органов вполне способствовать должной организации производства следственных действий на первоначальном этапе расследования уголовного дела [5, с. 44]. Таким образом, уменьшение полномочий прокурора на стадии предварительного расследования в части направления лицу, производящему дознание или следствие по уголовному делу обязательных для исполнения указаний, можно признать вполне обоснованным. В настоящий момент, концепция ограниченного участия прокурора на досудебной стадии предполагает возможность издания обязательных для субъекта расследования указаний в части допущенных последним нарушений закона.

«Однако, возникает вопрос относительно необходимости осуществления действий, когда нарушения следователя выходят за пределы первоначального этапа расследования. В частности, если не соблюдаются сроки проведения проверки (части 1, 3 ст. 144 УПК РФ) предусмотренные законом, либо сроки расследования (ч. 1 ст. 162 УПК РФ); если в расследовании преступления наблюдается длительное необоснованное бездействие, свидетельствующее о пассивной позиции следователя в процессе доказывания. В данных случаях прокурор также не имеет полномочий по вмешательству в расследование и эффективному осуществлению

процессуальной составляющей уголовного преследования. Полномочие, предоставленное п. 3 ч. 2. ст. 37 УПК РФ не обладает императивным характером, а лишь апеллирует к следователю, и, соответственно, не способствует быстрому устранению законодательных нарушений закона и оптимизации уголовного преследования» [11, с. 67-70].

Несвоевременное участие прокурора в процессе реализации процессуальной составляющей, при выявлении процессуальных нарушений создает препятствия для реализации материальной составляющей уголовного преследования. Безусловно, не может идти речь о квалификации, в условиях, когда обвинительные доказательства собираются непрофессионально, а руководство следственного органа при этом не принимает адекватных действий. Поскольку рассмотрение следственными органами почти 40% уголовных дел выходит за пределы установленных законом сроков, бездействие в процессе собирания доказательств и невозможность прокурора

Весьма негативным фактором, влияющим на эффективность участия прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства, является несвоевременность выполнения последним возложенных на него обязанностей, запоздалое выявление нарушений, допущенных в ходе досудебного производства. При этом, необходимо учитывать, что никакой надзирающий прокурор не застрахован от ошибок, допущенных лицом, производящим следствие или дознание, от непрофессионального подхода к проведению следственных и процессуальных действий и т.п. Кроме того, по различным данным, до 40 % уголовных дел расследуются с нарушением установленного 2-х месячного срока расследования таких дел и далеко не по каждому из них существуют объективные основания для продления сроков их расследования. [35, с. 113-114].

Перечисленные обстоятельства вполне могут оказать влияние на данный процесс, весьма негативно сказываются на достижении целей уголовного производства. В связи с этим, для устранения обозначенной проблемы, представляется целесообразным применить подход аналогичный

ст. 6.1 УПК РФ относительно правил «ускорения рассмотрения дела». Так, решению данной проблемы будет способствовать внедрение в процессуальное законодательство такой категории, как «ускорение предварительного расследования». Данная категория вполне может быть включена в обозначенную норму.

Реализация обеспечительной составляющей уголовного преследования, должна находиться в непосредственной зависимости от способности прокурора реализовать процессуальную и материальную составляющие.

«Исследуя нормы действующего УПК РФ, можно прийти к выводу, что такая составляющая также способна проявляться лишь опосредованно, и дифференцируется она по ряду полномочий, зависящих от формы проведения предварительного расследования. Прокурор, являясь ограниченным относительно дачи согласия на возбуждение перед судом ходатайства следователя, реализует обеспечительную составляющую уголовного преследования в случае поддержания его в суде, обосновывая потребность в выборе (изменении, отмене) меры пресечения, и иных мер процессуального принуждения, применяемых на основании решения суда, чем ликвидируются преграды для законного уголовного преследования» [35, с. 113-120].

Как указывает И. В. Маслов, «расследование преступлений сегодня происходит на фоне исключения прокурора из лиц, реализующих уголовное преследование, а также отрицания его ответственности за проведение качественного расследования и раскрытие противоправных деяний. В этой связи расследование обретает не подобаемые формы и получает отрицательную оценку общества» [44, с. 13-15]. Аналогичные оценки предварительного следствия, данные теоретиками и практиками, вовсе не единичны [32, с. 295].

Формируя собственную позицию относительно того обстоятельства, что по различным формам досудебного производства прокурор наделён различным объёмом полномочий, отметим, что научного (доктринального) обоснования необходимости такого кардинального различия в полномочиях

не существует. Вполне возможно, что мотивация законодателя в данном вопросе заключалась в необходимости сохранения более тщательного прокурорского надзора и контроля в целом за дознанием, которое осуществляется ведомственными подразделениями, поскольку в последний, подразделения дознания подчинены административно единому руководству с теми должностными лицами, которые соответствующие преступления выявляют и «сопровождают». Однако, точных сведений, в том числе, статистической информации по данному вопросу, в открытом доступе не существует. В связи с этим, считаем такое разделение полномочий прокурора относительно предварительного следствия и дознания в части усиления роли прокурора в процессе дознания, необоснованным.

Таким образом, необходимо объединение полномочий прокурора по делам, расследуемым следственными органами и органами дознания. В этой связи, п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ нужно дополнить фразой «давать согласие следователю и дознавателю».

Возвращаясь к соотношению надзорных полномочий прокурора и полномочий по уголовному преследованию в рамках досудебного производства, стоит обратиться к результатам анкетирования, проведенного Д.А. Сычевым в рамках его исследования. Из «150 опрошенных сотрудников прокуратуры, 68,3 % указали, что уголовное преследование в досудебной деятельности прокурора выражено во внесении требований в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ; в отмене необоснованных процессуальных решений следователя (дознавателя) о прекращении, приостановлении уголовного дела; в утверждении обвинительного заключения; в направлении уголовного дела на дополнительное расследование. Еще 15,3 % опрошенных исключили из перечня мер уголовного преследования требование в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, отнеся его к исключительным инструментам надзорного реагирования. Среди респондентов оказались и такие, кто вообще не считает прокурора субъектом осуществления уголовного преследования и полагает,

что существующие у него полномочия - это меры надзорного характера (4,7 %)» [66, с. 252].

«Разумный баланс между полномочиями надзора и уголовного преследования окажется достигнутым, когда в досудебном производстве прокурор будет играть роль процессуального руководителя предварительным расследованием. Такое положение даст ему возможность вмешаться в расследование уголовного дела в необходимый момент, придать ему верное направление, нивелировав таким образом просчеты, допущенные следователем (дознавателем).

Между тем, подобное руководство не должно отрицательно воздействовать на процессуальную обособленность следователя (дознавателя). В целях предупреждения излишнего влияния на следователей и дознавателей, следует на законодательном уровне оптимально распределить процессуальные полномочия руководителя органа расследования и прокурора. Процессуальное руководство расследованием будет проводиться и посредством надзора за деятельностью органов дознания и следствия, а решения, вынесенные прокурором в процессе этого надзора станут для всех обязательными» [68, с. 159-162].

В связи с этим, также необходимо отметить, что деятельность прокурора по осуществлению уголовного преследования на досудебных стадиях уголовного дела, содержит в себе три элемента: материальный, процессуальный и обеспечительный. Данные элементы и определяют роль прокурора в процессе формирования обвинительного тезиса, которые в последствии будет им же, но уже в облике государственного обвинителя отстаиваться в судебных инстанциях.

«Действующее уголовно-процессуальное законодательство, исходя из анализа которого прокурор, в рамках досудебного производства, не вправе непосредственно воздействовать на процесс уголовного преследования, а комплекс вверенных ему полномочий по уголовному преследованию находится в зависимости от формы расследования, не соответствует

потребностям практики. Это мешает эффективной работе прокурора, который отчасти оказывается в подчиненном к следственным органам положении, не согласующемся с его надзорной сущностью и статусом государственного обвинителя.

Как ни странно, но такой порядок действует в отношении той категории дел, чье расследование предполагается более трудоемким и проводится в форме предварительного следствия» [71, с. 101-108].

Полагаем, что помимо всего вышесказанного, прокурору также требуется возврат полномочий по самостоятельной квалификации преступления, подкрепленных возможностью воздействия на процедуру собирания доказательств, когда органы предварительного расследования не проявляют необходимой активности в уголовном преследовании.

Глава 3 Участие прокурора в судебных стадиях уголовного процесса

3.1 Содержание деятельности прокурора по осуществлению уголовного преследования в судебном производстве

Для начала, обратим внимание на отдельные терминологические аспекты. В результате проведенного анализа УПК РФ, установлено, что прокурор в последнем упоминается собственно в качестве «прокурора» и в качестве «государственного обвинителя». В.С. Балакашин по этому поводу в своей научной публикации указал, что перечисленные участники уголовного судопроизводства «мирно уживаются в одном теле, одном лице, одном мундире» [8, с. 5]. Иными словами, представляется, что статус прокурора, осуществляющего надзор за предварительным следствием, деятельность на стадии утверждения обвинительного заключения и деятельность на судебных стадиях уголовного процесса в качестве государственного обвинителя, являются различными вариациями статуса прокурора как участника уголовного судопроизводства. Также, важно понимать, что под таким участником уголовного процесса, как «прокурор» не понимается одно должностное лицо, поскольку должностные лица прокуратуры, которые осуществляют общий надзор на стадии предварительного расследования, и которые осуществляют поддержание государственного обвинения в суде, как правило, различны.

Рассмотрим содержание отдельных норм УПК РФ.

Как известно, участник уголовного процесса именуемый «государственный обвинитель» не указан в шестой главе УПК РФ в качестве отдельного участника судопроизводства выступающего на стороне обвинения. В связи с этим, единственным закономерным выводом в такой ситуации является признания государственным обвинителем прокурора, полномочия которого урегулированы ст. 37 УПК РФ. При этом, согласно ч. 3 указанной статьи к функциям прокурора отнесено поддержание государственного

обвинение, поддержание его законности и обоснованности. В свою очередь, согласно ч. 5 той же нормы, полномочия прокурора осуществляются следующими должностными лицами: прокурорами района, города, их заместителями, приравненными к ним прокурорами и вышестоящими прокурорами. Также, согласно п. 6 ч. 1 ст. 5 УПК РФ, дано определение государственного обвинителя, которым является «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры». При этом, термин «прокурор» в этой же статье определён иным образом.

Представляется, что одним из направлений совершенствования законодательства может быть устранение несогласованности норм закона, поскольку, согласно функции прокурорского надзора и поддержания государственного обвинения в суде выполняются прокурором, однако в ст. 37 и в ст. 5 УПК РФ содержатся противоречивые нормативные предписания, которые позволяют предполагать о наличии «прокурора» и «государственного обвинителя» как отдельных участников уголовного процесса. Можно выразить, как предложение, а не как замечание к законодателю.

В.С. Балакшин по этому поводу приходит к выводу о необходимости приведения положения УПК к одному из двух вариантов, либо к функциям прокурора как участника процесса отнесено государственное обвинение, либо государственное обвинение поддерживается отдельным участником процесса – государственным обвинителем. В последнем случае от законодателя требуется чёткое определение статуса и полномочий государственного обвинителя [8, с. 6].

Таким образом, статус прокурора как участника уголовного процесса трансформируется в зависимости от его стадии (досудебная, судебная). Однако, вполне очевидное положение, прямо и однозначно УПК РФ не регламентировано, не установлен момент, в котором прекращается статус «прокурор» и обретается статус «государственный обвинитель».

Относительно данного вопроса представляется, что несмотря на наличие законодательной неопределённости на этот счёт, отечественная правоприменительная практика на протяжении многих десятилетий идёт по пути отождествления государственного обвинителя и прокурора (при том, что прокурорский надзор на досудебной стадии и поддержание государственного обвинения в судебных стадиях осуществляется различными должностными лицами прокуратуры). Окончательное утверждение данного восприятие требует внесение уточнений в ч. 3 ст. 37 УПК РФ, путём указания на то, что прокурор, поддерживая государственное обвинение в суде обретает статус государственного обвинителя. В связи с этим, ч. 3 ст. 37 УПК РФ предлагается внести изменения, которые бы отображали трансформацию процессуального статуса прокурора в зависимости от того, на какой стадии уголовного процесса находится уголовное дело.

Далее, обратим внимание на то, что в уголовно-процессуальной науке выделяется множество спорных вопросов, связанных с проблемой реализации полномочий прокурора на судебных стадиях уголовного процесса, которые в своей совокупности свидетельствуют о проблеме процессуального статуса прокурора в целом. Так, одни учёные отмечают, что наличие у прокурора полномочий отказаться от поддержания государственного обвинения, является безальтернативным способом прекращения уголовного преследования, даже если такое решение прокурора противоречит мнению такого участника процесса со стороны обвинения, как потерпевшего, либо самого суда. Иными словами, суд в результате принятия отказа прокурора от поддержания обвинения, имея другое мнение по этому поводу, должен принять решение, противоречащее своему убеждению. В другом случае, например, при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения, мнение прокурора учитывается судом, но не является для него обязательным, существует множество случаев, когда тоже заключение под стражу избиралось судом вопреки позиции прокурора [77, с. 23]. Таким образом, в первом варианте с отказом от поддержания государственного обвинения,

отсутствует механизм (возможность) исправления ошибки прокурора, а в другом, в случае с избранием меры пресечения, суд уполномочен решить вопрос о мере пресечения основываясь на позиции всех участников процесса и исследованных в заседании доказательств. По мнению В.С. Балакшина, проблема правового статуса прокурора в судебных стадиях «должна быть решена так, чтобы ошибки, которые могут быть допущены государственным обвинителем, можно было исправить в любой ситуации» [8, с. 8-9].

Далее обратим внимание на момент, с которого прокурор-государственный обвинитель вступает в уголовный процесс. Согласно УПК – это начало подготовительной судебной стадии, поскольку именно с этого момента УПК употребляет соответствующий термин. В свою очередь, ведомственное нормативное регулирование, связывает момент обретения полномочий государственного обвинителя с момента получения письменного поручения поддерживать государственное обвинение по конкретному делу. С момента обретения такого статуса, государственный обвинитель обязан заблаговременно подготовиться к судебному заседанию, в том числе, согласно Приказа Генпрокуратуры РФ, «беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий. В необходимых случаях ходатайствовать перед судом о предоставлении времени для подготовки и обоснования своей позиции»[55].

Однако, в данном случае имеется проблема организационного характера, которая заключается в том, что у государственного обвинителя в распоряжении оказываются только часть копий материалов уголовного дела (пусть и основных), которые были получены в ходе досудебного следствия от следственного органа или от органа дознания. Само дело находится в суде. В отличие от прокурора, который проверял законность и обоснованность обвинительного заключения, прокурор-государственный обвинитель не может в своём служебном кабинете ознакомиться со всем уголовным делом. В связи с этим, возникает необходимость ознакомиться с материалами уголовного дела в помещении суда и с разрешения судьи.

В последующем, в ходе судебного разбирательства дела на прокурора возлагаются следующие обязанности: доказывать обвинение; опровергать доводы защиты о допущенных нарушениях; обеспечить законность и обоснованность государственного обвинения; выражать своё мнение по всем вопросам, возникающим при разбирательстве дела.

Как мы можем видеть, исходя из перечисленных полномочий (обязанностей), прокурор должен поддерживать государственное обвинение, что предполагает необходимость наличия у последнего убеждения в его обоснованности и правильности. В этой связи, например, Б.А. Ерунов отмечает, что позиция и мнение прокурора относительно правильности и обоснованности предъявленного лицу государственного обвинения должно быть сформировано уже к подготовительной части судебного заседания [18, с. 90, 101, 156].

В этой связи возникает проблема позиции государственного обвинителя по поддержанию государственного обвинения. По своей сути, государственный обвинитель, выполняет роль стороны обвинения, становится «заложником» своей роли (з исключением случая отказа от обвинения). Например, ещё советский учёный процессуалист В.М. Савицкий обратил внимание на то, что после утверждения обвинительного заключения, сформированных в ходе предварительного следствия лицом в производстве которого находилось уголовное дело утверждение о том, что подсудимый виновен в совершении преступления, становится тем утверждением, которое должен доказывать государственный обвинитель, а значит и быть согласным с ним, соответственно – доказывание обозначенного утверждения является основным предназначением государственного обвинителя в суде первой инстанции [67, с. 159-160].

Однако, необходимо различать такие обстоятельства как необходимость поддержания обвинения как обязанность и функцию государственного обвинителя с его личным внутренним убеждением, которое может меняться в любую из сторон, например, на этапе первичного ознакомления с материалами

уголовного дела и в ходе непосредственного исследования доказательств в судебном разбирательстве. Иными словами, как указывал тот же В.М. Савицкий, убеждение государственного обвинителя формируется последовательно и не обязательно будет неизменным на протяжении всего процесса [67, с. 129, 200]. А.А. Аубакирова по этому поводу отмечает следующее «внутренне убеждение обвинителя, с которым он идет в суд, должно быть категоричным и законченным (охватывать все стороны предмета доказывания)» [1, с. 67]. Однако, обратим внимание на вышеописанную ситуацию, когда государственный обвинитель с момента вступления в дело располагает только копиями отдельных, хоть и основных, материалов уголовного дела. Предполагаем, что по крайней мере, совокупность данных материалов должна сформировать у прокурора соответствующее убеждение. Как быть, если государственный обвинитель, приступая к делу, придёт к убеждению о недостаточной доказанности обвинительного тезиса? Возникает необходимость в разрешении соответствующих вопросов в ходе подготовительной части судебного заседания. Основываясь на первоначально сформированном убеждении, прокурор отстаивает тезисы обвинения в ходе предварительного слушания (ст. ст. 234, 235 УПК РФ).

«В свою очередь, наиболее подходящие условия для окончательного формирования убеждения государственного обвинителя в правильности, обоснованности и достаточности обвинения, должны быть сформированы в ходе судебного разбирательства, в том числе, в ходе судебного следствия, в процессе постепенного исследования доказательств» [1, с. 67]. Таким образом, представляется, что убеждение государственного обвинителя относительно поддерживаемого им обвинения должно быть сформированным в два основных этапа: при вступлении в дело (первоначальное убеждение) и по результатам судебного разбирательства, когда обвинитель может убедиться в правильности и доказанности изначального обвинительного тезиса, в необходимости его корректировки, либо в его неверности. Таким образом, возможно наличие противоречия между первоначальным убеждением, в том

числе убеждением прокурора, который утверждал обвинительное заключение и позицией прокурора-государственного обвинителя [64, с. 18].

Вопрос отказа прокурора от обвинения будет предметно рассмотрен в следующем разделе. Тут отметим, что в УПК РФ отсутствует механизм разрешения конфликтов внутриведомственного характера между государственным обвинителем и прокурором, когда государственный обвинитель приходит к убеждению в необоснованности обвинения по делу, однако такая позиция противоречит мнению вышестоящего прокурора. В таком случае, допустима и возможна замена прокурора-государственного обвинителя по делу, что предусмотрено ч. 4 ст. 246 УПК РФ. «При этом, замена прокурора по делу сама по себе не влечёт необходимость повторения совершённых до этого момента процессуальных действий, повторные допросы свидетелей, потерпевших или проведены другие процессуальные действия» [64, с. 18].

По мнению отдельных учёных, например, А.В. Спирина, «свобода внутреннего убеждения государственного обвинителя (в том числе приводящая его к иным выводам по уголовному делу, отличающимся от позиции вышестоящего прокурора) представляет собой ценность и должна быть соответствующим образом защищена и гарантирована» [64, с. 18]. С данным выводом необходимо согласиться, поскольку прокурор участвующий в деле в качестве государственного обвинителя не должен, да и по сути, не может совершать «делку со своей совестью», поддерживая и доказывая то обвинения, к ложности (необоснованности) которого он пришёл в ходе своего участия в процессе. Отметим, что механизм разрешения противоречий подобного характера предусмотрен в ведомственных нормативных актах, согласно которых, «если обвинитель не согласен с содержанием обвинительного заключения, обвинительного акта, последний должен сообщить об этом вышестоящему прокурору» [64, с. 8]. Тот, в свою очередь, если не согласится с позицией государственного обвинителя, должен произвести его замену.

Однако разрешённый на ведомственном уровне вопрос, не означает, что он решён в уголовно-процессуальном законодательстве. Так, в УПК не содержатся нормы, которые предусматривали бы возможность предоставления перерыва в судебном заседании для согласования позиции обвинителя и вышестоящего прокурора. К тому же вопрос поиска другого государственного обвинителя, в случае замены первоначального, может также продлиться некоторое время. Однако, например, вопросы замены государственного обвинителя на данный момент, не относятся к обстоятельствам, характеризующим разумный срок в уголовном судопроизводстве. В связи с этим, представляется, что данный вопрос хотя бы в общих чертах, должен быть урегулирован в уголовном процессе. К тому же, установление на законодательном уровне презумпции независимости позиции государственного обвинителя по делу от вышестоящего прокурора, пойдёт только на пользу процессу в целом, поскольку предоставит последнему необходимые гарантии. Представляется, что обозначенная проблема может быть решена способом внесения дополнений в ряд ном УПК.

Так, в ч. 5 ст. 246 УПК РФ целесообразно добавить абзац второй следующего содержания: «государственный обвинитель руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела» [72]. «Принуждение государственного обвинителя к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами, не допускается» [72].

Внесение данных изменений позволит предоставить определённые законодательные гарантии независимости государственного обвинителя, создать условия для добросовестного выполнения последним своей функции в уголовном процессе, как указано в ст. 17 УПК РФ – исходя из закона и совести.

Кроме того, предлагается внести изменения в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, дополнив последнюю абзацем вторым, согласно которого, будет

предусмотрен процессуальный механизм замены в уголовном деле прокурора-государственного обвинителя, если его позиция по делу расходится с позицией, изложенной в обвинении (обвинительное заключение, постановление акт) и вышестоящий прокурор (поручивший поддержание обвинения в суде). В связи с этим, также целесообразно в указанном абзаце установить правило, обязательного перерыва в судебном заседании по ходатайству государственного обвинителя. Точный текст предполагаемого нововведения будет изложен в заключении.

Кроме того, в *подведение* итогов написания данного параграфа укажем, что деятельность прокурора на судебных стадиях уголовного процесса заключается в поддержании государственного обвинения, которое является неотъемлемой и закономерной частью уголовного преследования в целом.

В уголовно-процессуальном законе существуют недостатки, которые приводят к терминологической путанице, поскольку употребление в УПК терминов «прокурор» и «государственный обвинитель» без законодательной привязки друг к другу создают условия для двойственного понимания их природы как различных участников уголовного судопроизводства. В этой связи, представляется необходимым внести изменения в ч. 3 ст. 37 УПК РФ, указанием на то, что процессуальный статус прокурора в уголовном судопроизводстве трансформируется по мере прохождения уголовным делом стадий уголовного процесса.

3.2 Отказ прокурора от обвинения

Отметим, что отказ прокурора от обвинения отдельными учёными трактуется как отдельный вид деятельности прокурора на судебных стадиях уголовного процесса, отличная от деятельности поддержания государственного обвинения [35, с. 10]. Частично с данным высказыванием можно согласиться, поскольку государственный обвинитель и на рассматриваемых стадиях продолжает оставаться прокурором, который не

может «пройти мимо» выявленных нарушений закона, прав и свобод человека, даже если они были допущены стороной обвинения, которое последний поддерживает.

В данном параграфе будет рассмотрена проблема отказа от обвинения прокурором на судебных стадиях уголовного процесса, а также взаимосвязанная с этим проблема изменения прокурором обвинения. Как показывает анализ научной литературы на эту тему, существуют различные подходы и варианты решения проблемы отказа и изменения прокурором обвинения. Сама проблема возникает в связи с непоследовательностью законодателя в вопросах правового регулирования данного процесса.

Смысл и сущность уголовно-процессуального закона не предполагает поддержание государственным прокурором обвинения, основанного на незаконно полученных доказательствах, неправильной квалификации действий подсудимого и т.п. Состязательность в этом случае носит относительный, а не абсолютный характер. Прокурор не должен поддерживать обвинение, в котором он усомнился, более того, представляется, что в этом случае прокурор даже обязан совершить определённые процессуальные действия, которые связаны либо с отказом от обвинения, либо с его изменением.

В подтверждение указанного предположения, процитируем Н.В. Буланову, по мнению которой прекращение уголовного дела по нереабилитирующим основаниям в той же мере отвечает задачам уголовного судопроизводства, как и обвинительный приговор [11, с. 5-8]. Иными словами, речь идёт о том, что для государства представителем которого является государственный обвинитель, важна не победа в уголовном процессе, основанном на состязательном принципе, а реализация публичного интереса, который заключается в установлении истины по уголовному делу (хоть и формализованной) и в зависимости от этой истины (виновен или нет), применение соответствующих последствий.

В свою очередь, если идёт речь об отказе от обвинения или об изменении обвинения, конечным результатом, кроме реализации публичного интереса, защиту (восстановление) прав и законных интересов гражданина обвинённого в преступлении, которое он не совершал, либо смягчение необоснованно «завышенного» обвинения.

Если обратиться к более конкретным нормативным ссылка, то, как указывает Н.В. Буланова, такие полномочия характеризуется «распоряжением обвинением путем изменения обвинения в сторону смягчения путем исключения из юридической квалификации деяния признаков преступления, отягчающих наказание, исключения из обвинения ссылки на какую-либо норму УК РФ, если деяние подсудимого предусматривается другой нормой УК РФ, нарушение которой вменялось ему в обвинительном заключении или обвинительном акте (ч. 5 ст. 236, ч. 8 ст. 246 УПК РФ) и отказа от обвинения полностью либо в части (ч. 1 ст. 239, ч. 7 ст. 246 УПК РФ)» [11, с. 25].

Привлекает внимание другое высказывание. Так, Ф.Н. Фаткуллин отмечает, что «изменение обвинения представляет собой устранение определенных пробелов, внесение уточнений, переформулирование ранее предъявленного обвинения» [73, с. 112]. Иными словами, изменение обвинения является ничем иным, как продолжением обвинительной деятельности государства (уголовного преследования), которая связана с устранением ранее допущенных ошибок и неточностей в формулировке обвинения. Необходимость наличия таких полномочий представляется объективной, поскольку процесс познания преступного деяния, совершаемый следователем (дознавателем) являющийся деятельностью человека, не исключает ошибок, неточностей вызванных объективными не зависящими от следователя обстоятельствами (например, отказ подозреваемого, обвиняемого от дачи показаний), так и субъективными обстоятельствами (например, недолжное выполнение обязанностей). В связи с этим, возникает необходимость существования механизма исправления ошибок первоначального государственного обвинения. Именно такую роль и

выполняет прокурор, изменяя обвинения. Представляется, что изменение обвинения является неотъемлемой частью обвинительной деятельности прокурора на судебных стадиях уголовного судопроизводства.

Также обратим внимание на следующие обстоятельства. Возможность изменить обвинение в сторону смягчения, то есть отказаться от обвинения по более тяжкой статье предусмотрена как в ходе предварительного слушания, так и в ходе судебного следствия (ч. 5 ст. 236 УПК РФ и ч. 8 ст. 246 УПК РФ). Имеет место противоречивость норм, поскольку в ходе предварительного слушания суд не имеет возможности противоречить решению прокурора изменить объём обвинения в сторону более мягкого вменения, а в ходе судебного разбирательства – такое решение фактически утверждается судьей [41, с. 134-135].

Кроме того, необходимо выделить такой момент, как то, что изменение обвинения в сторону его отягощения, влечёт своим обязательным последствием возвращение дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в суде. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Как известно, основания для возвращения уголовного дела прокурору предусмотрены ст. 237 УПК РФ. Они исчерпывающие. Ранее, до 2014 года такое основание для возвращения уголовного дела,

Основания, по которым суд уполномочен вернуть дело прокурору урегулированы ст. 237 УПК РФ, перечень которых являются исчерпывающим. Никакие другие соображения, не могут быть причиной принятия такого решения. Последние изменения в данную норму имели место в 2014 году и они заключались в том, что к перечню оснований было добавлено рассматриваемая нами необходимость предъявления обвинения по более тяжкой статье отсутствовало. Соответствующие изменения были внесены федеральным законом от 21.07.2014 № 269-ФЗ [47]. До указанного момента, вопрос о возвращении дела прокурору по данным основаниям был спорным, в связи с чем, было принято ряд постановлений Конституционного Суда РФ, а именно, постановления от 08.12.2003 № 18-П [61] и от 16.05.2007 № 6-П [62]

допустили совершение данного процессуального действия в целях отягощения обвинения. При этом, основным аргументом для этого выступало то, что механизм изменения обвинения в более тяжкую сторону в ходе судебного заседания, в уголовном процессуальном законодательстве, не предусмотрен.

При этом, в отечественной уголовно-процессуальной науке существует мнение, о том, что запрет на обращение обвинения в худшую сторону на судебных стадиях уголовного процесса. В частности, приводятся примеры европейских государств, а именно, Германии, Франции и Бельгии, в которых изменение обвинения в худшую сторону является допустимым [19, с. 180]. В качестве основного контраргумента указывается на то, что изменение обвинения в сторону ухудшения нарушает право подсудимого на защиту [19, с. 181].

Однако, в случае, если в условиях отягощения обвинения подсудимому будут созданы все необходимые условия для реализации своего права на защиту, то обозначенный контраргумент отпадает. В частности, на это указывают А.П. Кругликов и И.А. Бирюкова, по мнению которых, изменение обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого на судебных стадиях уголовного процесса допустимо «при соблюдении определенных условий, таких как предоставление подсудимому возможностей, аналогичных тем, что были предоставлены на предварительном следствии, а именно достаточного времени для изучения нового обвинения и определения линии защиты» [27, с. 327 - 332]. С данной позицией возможно согласиться.

Рассмотрим вопрос о возможности изменения обвинения в сторону отягощения, подробнее. Рассуждая о моменте, когда допустимо и целесообразно поднимать вопрос о возможности изменения обвинения в любую сторону, в том числе, в сторону отягощения. Этот момент целесообразно связать с моментом исследования всех имеющихся по делу доказательств, поскольку только тогда можно оценить каждое из доказательств в их взаимосвязи друг с другом. Исключение составляют

случаи, когда явного изменения фактических обстоятельств, которые убедительно свидетельствуют о необходимости изменения обвинения.

Таким образом, анализируя проблематику вопросов отказа прокурора от обвинения, можно сделать вывод о том, что отказ государственного обвинителя от поддержания обвинения в суде, является одним из элементов деятельности по поддержанию государственного обвинения и неразделимо с ней. Ведь в уголовном процессе прокурор, реализуя полномочия, действует от имени государства, преследует в нём публичный интерес. Публичный интерес заключается не в получении решения в пользу позиции обвинителя, а установление истины по уголовному делу, а именно, в получении ответа на вопрос о виновности или невиновности лица в совершении вменённого ему преступления. В этой связи, формирование у государственного обвинителя однозначного убеждения в невиновности лица в инкриминируемом ему деянии. Должно влечь прекращение государственного обвинения и уголовного преследования в этой части. Последствием отказа от обвинения полностью или в части является, среди прочего, и защита прав и свобод подсудимого, такое последствие неразрывно связано с государственным обвинением, которое не может и не должно быть избыточным.

Одной из форм отказа от обвинения государственным обвинителем, является его изменение в сторону смягчения. В силу уголовно-процессуального закона, такое действие может быть совершено государственным обвинителем как на стадии предварительного слушания, так и в ходе судебного разбирательства.

Иным образом обстоят дела с изменением обвинения, которое ухудшает положение обвиняемого. До 2014 года существовала неопределённость в правовом механизме его изменения, однако судебная практика пошла по пути решения данного вопроса через возвращение уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом. В свою очередь, с 2014 года такой способ решения вопроса приобрёл силу закона способом внесения соответствующих изменений в ст. 237 УПК РФ. Однако, вопрос о

допустимости изменения обвинения в сторону ухудшения положения обвиняемого в ходе судебного разбирательства без возвращения уголовного дела прокурору, остаётся открытым.

В связи с этим, предоставление прокурору полномочий изменить обвинение в сторону ухудшение полномочий подсудимого представляется допустимым, при условии, если будут созданы необходимые условия для реализации последним своего права на защиту, в частности: предоставление достаточного времени для ознакомления с обвинением, с материалами дела, и для определения линии защиты.

Кроме того, выявлена проблема отсутствие уголовно-правовой регламентации формы изменения обвинения на стадии судебного разбирательства. Важное правовое значение данного акта безусловно для всех участников уголовного судопроизводства. Все они должны быть ознакомлены с мотивами и аргументацией отказа от обвинения. В связи с этим, целесообразно введение правила, согласно которого изменение обвинения или частичный отказ от обвинения должен быть утверждён прокурором.

3.3 Участие прокурора в суде второй инстанции

Суд второй инстанции осуществляет пересмотр решений суда первой инстанции не вступивших в законную силу. На последующих возможных этапах пересмотра решений уже вступивших в законную силу, фактические обстоятельства уголовного дела в полном объёме уже не пересматривается. В качестве исключения, можно указать на стадию пересмотра решений судов, вступивших в законную силу по новым и вновь открывшимся обстоятельствам, однако, пересмотр дела в суде апелляционной инстанции, всё-таки является основным этапом пересмотра решения суда первой инстанции [57, с. 123].

В связи с этим, именно на данном этапе существуют реальные возможности исправить ошибки не только в применении или толковании

нормы закона, но и в вопросе правильности установления фактических обстоятельств дела. В свою очередь, как отмечает Д.А. Каленжарь «эффективность прокурора в поддержании государственного обвинения, при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции, зависит как от его профессиональных, так и личных качеств. Прокурор должен убедить суд в обоснованности предъявленного подсудимому обвинения и, соответственно, обосновать свое мнение» [31, с. 33]. Сходную позицию высказывает и В.Г. Королёв [30, с. 91-96].

Иными словами, в большей степени, как и в суде первой инстанции, так и в суде второй инстанции, прокурор продолжает деятельность по поддержанию государственного обвинения, продолжает настаивать на обвинительном тезисе (утверждении). В свою очередь, в связи с тем, что прокурору, как и другим участникам уголовного производства направляются копии апелляционных жалоб и отзывов на них других участников уголовного судопроизводства, последний также может прийти к убеждению в необоснованности поддерживаемого им обвинения, или, по крайней мере, усомниться в этом. Данное обстоятельство также порождает дискуссию о необходимости и допустимости реализации прокурором в апелляционной инстанции права на отказ от обвинения или на его изменение, то есть на прекращение уголовного преследования.

Вместе с тем, необходимо отметить, что процессуальное положение прокурора в суде апелляционной инстанции несколько скорректировано, что, однако, не отменяет в целом существо его процессуальной фигуры. Анализ положений главы 45.1 УПК РФ позволяет предположить, что прокурор поддерживает государственное обвинение в аспекте проверки законности, обоснованности и справедливости приговора или другого решения суда первой инстанции.

Как и в суде первой инстанции, государственный обвинитель перед вступлением в судебный процесс должен внимательно ознакомиться с поступившими жалобами, отзывами на них (в случае, если представление

было подано самим прокурором), при необходимости, повторно изучить материалы уголовного дела. После чего, целесообразно определиться с тактикой участия в судебном процессе, с существующей по этому вопросу судебной практике, с существующими научно-практическими и криминалистическими рекомендациями.

В соответствии с положениями статей 389.2, 389.9 УПК, предметом судебного разбирательства в суде второй инстанции, являются законность, обоснованность и справедливость не только окончательных решений суда первой инстанции, не вступивших в законную силу, но и законность и обоснованность промежуточных решений. Исходя из позиции Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в постановлении от 26 ноября 2012 г. № 26, итоговыми судебными решениями являются приговор, определение, постановление суда, которыми уголовное дело разрешено по существу, либо те, которыми завершено производство по уголовному делу в отношении конкретного лица [63], [29, с. 161].

Основные аргументы противников наличия у прокурора возможности отказаться от обвинения в апелляционном производстве заключаются в том, что вторая стадия является проверочной по отношению к решению принятому в первой инстанции, то есть реализуется контрольно-ревизионная функция [28, с. 82-83], [71, с. 101], [12, с. 97-98]. Представляется, что данный аргумент имеет под собой определённые основания, однако, с учётом содержания правовых норм, составляющих институт апелляционного производства, закономерным также является вывод о том, что рассмотрение дела в этой инстанции предполагает его повторное рассмотрение, в т.ч. повторное исследование всех доказательств по делу (ст. 389.20 УПК РФ). А значит имеет место не только и не сколько контроль, но, в первую очередь, повторное рассмотрение дела. Иными словами, закономерно сделать вывод о том, что судебный контроль на стадии апелляции заключается в повторном рассмотрении дела.

Также необходимо отметить, что функция уголовного преследования имеет длящийся характер и начинается ещё на досудебных стадиях уголовного производства, продолжается во всех судебных стадиях. Необходимость реализации такой функции прокурором в ходе судебных стадий уголовного дела и обуславливает появление у него всего спектра полномочий относительно определения «судьбы» государственного обвинения, в т.ч. полномочий на отказ от обвинения.

Важной частью полномочий прокурора при рассмотрении дела в апелляционной инстанции является возможность инициирования вопроса об ухудшении положения обвиняемого в случае вынесения в отношении последнего оправдательного приговора, или недостаточно строгого наказания, осуждения по статье, предусматривающей более мягкую ответственность (в случае, если прокурор не согласен с принятым решением). Отметим, что возможность обжаловать (в случае с прокурором – выносить представление) решение суда первой инстанции в целях ухудшения положения обвиняемого, кроме прокурора, предоставлена также другим участникам процесса со стороны обвинения. По результатам рассмотрения такого представления прокурора, судом может быть принято решение о передачи уголовного дела на новое судебное разбирательство (ч. 2 ст. 389.24 УПК РФ). Таким образом, только участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения могут инициировать ухудшение положения подсудимого [58-80-86].

В подведение итогов написания данного параграфа, сделаем следующие выводы.

Деятельность прокурора в суде апелляционной инстанции связана с поддержанием государственного обвинения в аспекте проверке его законности и обоснованности, при условии, что решением суда первой инстанции был принят обвинительный приговор, а в аспекте доказывания обвинительного тезиса, если судом первой инстанции был принят оправдательный приговор. Кроме того, прокурор участвует в суде

апелляционной инстанции и при рассмотрении вопросов, прямо не связанных с разрешением государственного обвинения.

Прокурор в ходе производства в суде апелляционной инстанции сохраняет полномочие по отказу от поддержания государственного обвинения.

Прокурору наряду с потерпевшей стороной и их представителями, а также частным обвинителем, предоставлено исключительное право инициировать пересмотр решений суда первой инстанции в сторону ухудшения положения подсудимого.

В уголовно-процессуальном законе имеется неопределённость и несогласованность в части предоставления возможности и даже обязательности участия в суде апелляционной инстанции наряду с прокурором –государственным обвинителем ещё и вышестоящего прокурора (п. 1 ч. 1 ст. 389.12 УПК РФ). Данная норма нуждается в корректировке, поскольку реальной практической необходимости в этом не существует, ведь и первое и второе должностное лицо должны поддерживать в уголовном деле один и тот же обвинительный тезис, в тоже время сохраняя возможность формирования иного собственного убеждения относительно его истинности и, как следствие, принятие решение относительно отказа от обвинения, его изменения в любую из сторон. Как в таком случае поступать с двумя должностными лицами? Возможно ли наличие между последними разногласий по этому поводу, в т.ч. относительно тактики процессуального поведения? Вполне вероятно. Полагаем, что требование (правило) участия в суде апелляционной инстанции кроме государственного обвинителя ещё и вышестоящего прокурора, является избыточным.

В связи с этим, необходимо исключить обязательное участие вышестоящего прокурора при пересмотре дела в суде апелляционной инстанции внеся соответствующие изменения в п. 1 ч. 1 ст. 389. 12 УПК РФ.

Заключение

В результате проведённого исследования были сделаны следующие выводы и предложения.

Прокурор в силу выполняемой им функции реализации политики уголовного преследования, отнесён к стороне обвинения. Вместе с тем, последнему, в силу Конституции и в силу федерального законодательства присуща и функция надзора за правильностью применения закона, соблюдением прав и законных интересов участников уголовного процесса. Последняя функция предполагает принятия в ходе судопроизводства решение «в пользу» стороны защиты, что противоречит исключительно обвинительной сущности прокурора. Это связано с тем, что обвинительная деятельность государства преследует публичный интерес и не может заключаться в достижении цели «любыми средствами», кроме того, соблюдение уголовно-процессуальной формы является надлежащей гарантией правильного применения материальной нормы. В этом и заключается специфика прокурора как участника уголовного судопроизводства.

В целом, роль и место прокуратуры в уголовном судопроизводстве заключается в выполнении конституционных функций надзора за законностью, соблюдением прав и свобод человека на всех стадиях уголовного судопроизводства, а также в реализации политики публичного (от имени государства) уголовного преследования.

Система правового регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве составляет следующая группа нормативных правовых актов (на основании критерия юридической силы):

- Конституция РФ, как высший и основной закон государства, нормы которого обладают прямым действием и имеют большую юридическую силу в случае противоречия с положениями УПК и других НПА.

- общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры, при условии, что последние не противоречат Конституции. Такие нормы имеют большую юридическую силу, чем положения УПК.
- уголовный процессуальный кодекс РФ. По объёму правового регулирования именно данный источник выступает основным НПА регулирующим вопросы участия прокурора в уголовном судопроизводстве.

В системе правового регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве целесообразно выделить НПА вспомогательного характера, к которым относятся ФЗ «О прокуратуре» (данный ФЗ определяет статус прокурора в целом, отдельные его нормы согласуются с УПК, его «вспомогательность» касается именно вопросов регулирования участия прокурора в уголовном судопроизводстве). Также, к этой группе НПА необходимо отнести приказы и указания Генеральной прокуратуры РФ, которые носят нормативный (обязательный) для исполнения прокурорами характер, однако должны относиться исключительно к организационным вопросам участия прокурора в уголовном процессе.

Выявлены отдельные положения ФЗ «О прокуратуре» и приказов ГП РФ, которые частично «перебирают» на себя вопросы относящиеся к предмету регулирования УПК. Так, ФЗ «О прокуратуре» частично урегулирована обязанность (а значит и возможность) прокурора изымать и направлять по подследственности материалы для разрешения вопроса об уголовном преследовании в случае выявления последним признаков преступления. Такие положения не являются нарушением предписаний ст. 1 УПК об источниках регулирования уголовного судопроизводства, поскольку регулируют должностную обязанность прокурора воспользоваться предоставленным ему полномочием в определённых случаях, т.е. ещё до начала уголовно-процессуальных отношений.

Положения нормативного характера содержатся и в приказах. Представляется, что такие положения, облеченные в нормативную форму, должны иметь характер рекомендаций по аналогии с обобщениями судебной практики судами высших инстанций и не могут и не должны быть облечены в форму нормативного правового акта. Данное утверждение не относится к тем нормам перечисленных приказов, которые действительно имеют организационный характер и связаны, например, с периодичностью проверок законности принятия определённых видов решений (например, учётно-регистрационной дисциплины по заявлениям и сообщениям о преступлениях, постановлений о прекращении уголовных дел), периодичности проведения анализа и обобщения практики применения законодательства об избрании меры пресечения, вопросов компетенции прокуроров различного уровня относительно принятия решений и т.п.

Выявлен пробел в правовом регулировании гарантий независимости и самостоятельности государственного обвинителя при поддержании государственного обвинения в суде. Данная проблема может быть решена способом внесения ряда изменений в УПК РФ, а именно:

- в ч. 5 ст. 246 УПК РФ целесообразно добавить абзац второй следующего содержания: «государственный обвинитель руководствуется требованиями закона и своим внутренним убеждением, основанным на результатах исследования всех обстоятельств дела. Принуждение государственного обвинителя к отстаиванию выводов органов предварительного расследования, не подтвержденных исследованными в ходе судебного разбирательства доказательствами, не допускается»;
- в ч. 7 ст. 246 УПК РФ, дополнив последнюю абзацем вторым следующего содержания: «... По решению прокурора, поручившего поддержание государственного обвинения, государственный обвинитель должен быть заменен, если его позиция по делу существенно расходится с позицией, выраженной в обвинительном

заклучении (обвинительном акте, обвинительном постановлении). По ходатайству государственного обвинителя председательствующий объявляет перерыв в судебном заседании для решения вопроса о замене обвинителя. Замена государственного обвинителя производится в порядке, предусмотренном частью четвертой настоящей статьи».

Деятельность прокурора на судебных стадиях уголовного процесса заключается в поддержании государственного обвинения, которое является неотъемлемой и закономерной частью уголовного преследования в целом.

В уголовно-процессуальном законе существуют недостатки, которые приводят к терминологической путанице, поскольку употребление в УПК терминов «прокурор» и «государственный обвинитель» не позволяют с полной достоверностью проследить трансформацию статуса прокурора в уголовном судопроизводстве в «государственного обвинителя», предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 37 УПК РФ, изложив её в следующей редакции:

«3. В ходе судебного производства по уголовному делу прокурор выполняет функции государственного обвинителя, поддерживая государственное обвинение, обеспечивая его законность и обоснованность».

Сделан вывод о том, что право прокурора на отказ от поддержания государственного обвинения в судебных инстанциях, реализуется последним в рамках полномочий по поддержанию государственного обвинения, то есть, реализации функции уголовного преследования. Ведь в уголовном процессе прокурор, реализуя полномочия, действует от имени государства, преследует в нём публичный интерес. Публичный интерес заключается не в получении решения в пользу позиции обвинителя, а установление истины по уголовному делу, а именно, в получении ответа на вопрос о виновности или невиновности лица в совершении вменённого ему преступления. В этой связи, формирование у государственного обвинителя однозначного убеждения в невиновности лица в инкриминируемом ему деянии. Должно влечь прекращение государственного обвинения и уголовного преследования в этой

части. Последствием отказа от обвинения полностью или в части является, среди прочего, и защита прав и свобод подсудимого, такие последствия неразрывно связано с государственным обвинением, которое не может и не должно быть избыточным.

Одной из форм отказа от обвинения государственным обвинителем, является его изменение в сторону смягчения. В силу уголовно-процессуального закона, такое действие может быть совершено государственным обвинителем как на стадии предварительного слушания, так и в ходе судебного разбирательства.

Выявлена проблема отсутствие уголовно-правовой регламентации формы изменения обвинения на стадии судебного разбирательства. Важное правовое значение данного акта безусловно для всех участников уголовного судопроизводства. Все они должны быть ознакомлены с мотивами и аргументацией отказа от обвинения. В связи с этим, целесообразно введение правила, согласно которого изменение обвинения или частичный отказ от обвинения должен быть утверждён прокурором.

Деятельность прокурора в суде апелляционной инстанции связана с поддержанием государственного обвинения в аспекте проверке его законности и обоснованности, при условии, что решением суда первой инстанции был принят обвинительный приговор, а в аспекте доказывания обвинительного тезиса, если судом первой инстанции был принят оправдательный приговор. Кроме того, прокурор участвует в суде апелляционной инстанции и при рассмотрении вопросов, прямо не связанных с разрешением государственного обвинения.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Аубакирова А.А. Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения: дис. ... д-ра юрид. наук. - Челябинск, 2010. С. 67.
2. Ахпанов А.Н., Ахмеджанов Ф.Р. О соотношении прокурорского надзора и ведомственного процессуального контроля в досудебном уголовном производстве // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2018. № 4. С. 99-107.
3. Александрова Л.А. Система участников уголовного судопроизводства как отражение нравственного состояния общества // Судебная власть и уголовный процесс. 2017. № 4. С. 23-27.
4. Александрова Л.А. Тождество противоположностей в системе участников уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2020. №1. С. 37-43.
5. Багмет А.М. Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. – 2013. № 12. С. 47-49.
6. Бозров В.М., Попова Е.В. Отказ прокурора от обвинения // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 6. С. 46-52.
7. Быков В.М. О процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе // Российская юстиция. 2017. N 8. С. 59 - 61.
8. Балакшин В.С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе - кто он? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 5-8.
9. Бушковская Е.Н. Надзор прокурора за процессуальной деятельностью следователя и дознавателя в досудебном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 2011. С. 8-11.
10. Бабич Н.В. Правовое регулирование и организация деятельности органов предварительного следствия в Российской Федерации : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.11. Москва, 2019. 31 с

11. Буланова Н.В. Участие прокурора в рассмотрении уголовных дел судами. М., 2015. 203 с.
12. Баранов С.А., Лазарев Д.С., Новикова Е.А., Волченко А.В. Проблемные вопросы отказа государственного обвинителя от обвинения в суде апелляционной инстанции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2016. № 3. С. 82-83
13. Воронин О.В. Прокурорское уголовное преследование в различных стадиях и производствах отечественного уголовного процесса // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2013. №1. С. 24-32.
14. Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica. 2014. N 11. С. 1346-1359.
15. Гаврилов Б.Я. Прокурор в современном уголовном судопроизводстве: позиция ученого и мнение правоприменителя // Российская юстиция. 2020. № 3. С. 33-39.
16. Головки Л.В. Реформирование следственных органов в России // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2013. № 3. С. 43-44.
17. Грачева О.А. Прокурорская проверка как гарантия соблюдения законности на стадии возбуждения уголовного дела // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5. С. 41-43.
18. Ерунов Б.А. Мнение в системе человеческого познания: курс лекций. Л., 1973. 140 с.
19. Ермолаев Д.О., Ермолаева Ю.Н., Мулаева Х.М. Некоторые проблемы института изменения обвинения и отказа от него в уголовном процессе России // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2018. № 7. С. 180-188.
20. Жук О.Д. Формы и виды уголовного преследования // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 11. С. 104-109.
21. Запорощенко А.М. Некоторые проблемы создания единого следственного органа в Российской Федерации // Вектор науки

Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 41-42.

22. Зажицкий В.И. Прокурор в уголовном процессе // Государство и право. 2016. № 6. С. 65.

23. Стрельников В.В. Понятие и основное содержание целей и задач управленческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 8. С. 169 - 181.

24. Запорощенко, А.М. Некоторые проблемы создания единого следственного органа в Российской Федерации // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2014. № 1. С. 41-42.

25. Зажицкий В.И. Прокурор в уголовном процессе // Государство и право. 2016. № 6. С. 65-70.

26. Исаенко В.Н. Государственное обвинение в системе уголовно-процессуальных функций // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 1 (98). С. 189-193.

27. Кругликов А.П., Бирюкова И.А. Конституционные принципы уголовного процесса и некоторые проблемы прекращения уголовных дел и уголовного преследования // Проблемы освобождения от уголовной ответственности и наказания по законодательству Республики Беларусь, России и Украины: уголовно-правовой и процессуальный аспекты: сб. ст. / Под науч. ред. Л.В. Лобановой, И.С. Дикарева. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. С. 327-332.

28. Качалов В.И. Кто участвует в суде апелляционной инстанции по уголовным делам: прокурор и (или) государственный обвинитель? // Российское правосудие. 2014. № 9 (101). С. 97-98.

29. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. 241 с.

30. Королев Г. Процессуальное положение прокурора в суде апелляционной инстанции // Апелляция: реалии, тенденции и перспективы. М. : «Аktion-Медиа», 2013. 188 с.
31. Календарь Д.А. Участие прокурора при рассмотрении уголовных дел в суде апелляционной инстанции // Научный журнал. 2019. № 8. С. 23-33.
32. Коршунов И.Г. О проблемах реформирования прокурорского надзора в современный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4. Т. 1. С. 295.
33. Калиновский К.Б., Смирнов А. В. Уголовный процесс. Пособие по подготовке к экзамену. СПб. : Питер, 2003. 160 с.
34. Кузнецов Н.П., Кокорев Л. Д. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995. 150 с.
35. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. – СПб. : ИД СПбГУ, 2007. С. 113-120.
36. Козубенко Ю.В. Источники антисистемы и каналы их проникновения в механизм уголовно-правового регулирования // Российский юридический журнал. 2013. № 2
37. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. И.Л. Петрухин. М., 2004. С. 54-58.
38. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации/Отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. 2-е изд., перераб. и доп. Юристь, 2004. 480 с.
39. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

40. Лесик Д.В. Некоторые особенности поддержания государственного обвинения при рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции // Вестник ВИ МВД России. 2015. № 3. С. 179-184.

41. Михайлов А.А. Сущность изменения прокурором обвинения в суде первой инстанции // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 302. С. 134-135.

42. Малахова Л.И. О понятии и содержании уголовного судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 3. С. 53-57.

43. Манова Н.С. Сущность и проблемы реализации функции прокурорского надзора в досудебном производстве // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 4. С. 173-181.

44. Маслов И.В. От Следственного комитета к единому органу расследования // Законность. 2012. № 3. С. 56-61.

45. Новикова А.А. Соотношение прокурорского надзора и судебного контроля по уголовным делам // Символ науки. 2018. № 6. С. 99-104.

46. О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (с изм. и доп. по сост. на 09.11.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366.

47. О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 269-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 30. Ст. 4270.

48. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ» (в ред. от 31.12.2014 № 518-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 45.

49. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности см. приказ Генеральной прокуратуры РФ от 15 февраля 2011 г. № 33 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902278410> (дата обращения: 30.12.2020).

50. О порядке рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 01.11.2011 г. № 373 // Сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/normative-act?item=1730697> (дата обращения 30.12.2020).

51. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генерального прокурора РФ от 02.06.2011 № 162 // Законность. 2011. № 11.

52. Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 05.09.2011 года № 277 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/902303344> (дата обращения: 30.12.2020).

53. Об организации прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении разумного срока на досудебных стадиях уголовного судопроизводства см. Указание Генеральной Прокуратуры РФ, Следственного комитета РФ, МВД России, МЧС России, ФССП России, ФСБ России, ФСКН России и ФТС России от 3 июня 2015 г. № 275/36/1/206/2/5443/195/1-у/21/4/1081 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/420323119> (дата обращения: 30.12.2020).

54. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генеральной прокуратуры РФ от 28.12.2016 г. / Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания: приказ Генеральной

прокуратуры РФ от 26 января 2017 г. № 33 // URL: <http://docs.cntd.ru/document/456042399> (дата обращения: 30.12.2020).

55. Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства: приказ Генпрокуратуры России от 25.12.2012 г. № 465 // СПС Консультант Плюс.

56. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: https://genproc.gov.ru/stat/data/?PAGEN_1=3 (дата обращения 08.03.2021).

57. Панокин А.М. Право прокурора на отказ от обвинения в суде апелляционной инстанции // Уголовное право. 2018. № 2. С. 123-128.

58. Проскурина Т.Ю. Участие прокурора в апелляционном производстве // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 2. С. 80-86.

59. Петров А.В. Соотношение прокурорского надзора с судебным и ведомственным контролем // Законность. 2013. № 4. С. 20-24.

60. Попов И.А. Органам предварительного следствия в системе МВД России 50 лет: основные итоги и дальнейшие шаги // Вестник Московского университета МВД России. 2013. №7. С. 18-25.

61. Постановление Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 г. № 18-П // ВКС РФ. 2004. № 1.

62. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.05.2007 г. № 6-П // ВКС РФ. 2007. № 3.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм УПК РФ, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» // СПС «Консультант Плюс».

64. Спирин А.В. Формирование внутреннего убеждения государственного обвинителя // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 3. С. 18-21.

65. Стрельников В.В. Понятие и основное содержание целей и задач управленческой деятельности в органах прокуратуры Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2016. N 8. С. 169 - 181.
66. Сычев Д.А. Содержание и реализация прокурором функций надзора и уголовного преследования в досудебных стадиях уголовного процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М. Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. 280 с.
67. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде. - М., 1971. 335 с.
68. Салихов И.Р. Уголовное преследование как одна из функций органов прокуратуры Российской Федерации // ВЭПС. 2018. № 4. С. 159-162.
69. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. № 8. С. 27.
70. Тушев А.А. Прокурор в уголовном процессе Российской Федерации: система функций и полномочий: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.09. – Краснодар, 2006. 182 с.
71. Трухин С.А. Право обвинителя на отказ от обвинения и на его изменение в апелляции противоречит предмету и пределам апелляционного разбирательства // Российское правосудие. 2014. № 9. С. 101-108.
72. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
73. Фаткуллин Ф.Н. Обвинение и изменение его в суде. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. С. 112-130.
74. Шадрин В.С. Участие прокурора в судебном разбирательстве уголовного дела с досудебным соглашением о сотрудничестве // Законность. 2018. № 1. С. 26.
75. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. М., 2001. 253 с.

76. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М. : Норма, 2013. С. 101-102.

77. Щерба С., Попова А. Дискреционные полномочия прокурора при применении меры пресечения в виде заключения под стражу // Законность. 2016. № 1. С. 23.

78. Яшин А.В., Щербакова С.А. История становления и развития Следственного комитета Российской Федерации // Вестник ПензГУ. 2015. № 3(11). С. 89-90.

79. Director of Public Prosecutions. // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Director_of_Public_Prosecutions (дата обращения: 08.03.2021) President's Message. Prosecutor's Office Management Association («ПОМА») of New Jersey. November 5, 2010. Archived from the original on September 4, 2012. Retrieved 2011-12-22.

80. St. Joseph County Prosecutor's Office. Archived from the original on 2016-10-28. Retrieved 2016-12-05.

81. The role of public prosecution in the criminal justice system Recommendation Rec(2000)19 Adopted by the Committee of Ministers of the Council of Europe on 6 October 2000. 388 p. URL: <https://rm.coe.int/16804be55a> (дата обращения: 08.03.2021).

82. What does the public prosecution service do? URL: <https://www.prosecutionservice.nl/organisation/netherlands-public-prosecution-service/what-does-the-public-prosecution-service-do> (дата обращения: 08.03.2021).

83. President's Message. Prosecutor's Office Management Association («ПОМА») of New Jersey. November 5, 2010. Archived from the original on September 4, 2012. Retrieved 2011-12-22.